

**ARCHAEOLOGIA
PETROPOLITANA**

III

**PETROPOLI
MCMXCIX**

1999

Содержание
1999

Presidium of the St.-Petersburg Academie Centre
Academic Council on Historical-Archeological Researches
Institute of Cultural and Natural Heritage
(St.-Petersburg Branch)
Institute of the Histori of Material Culture

ARCHAEOLOGIA
PETROPOLITANA

III/1998

St.-Petersburg
1999

Президиум Санкт-Петербургского Научного центра
Научный совет
по историко-археологическим исследованиям
Санкт-Петербургский филиал
РНИИ культурного и природного наследия
Институт истории материальной культуры

АРХЕОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА

III/1998

Санкт-Петербург
1999

**Археология Петербурга
III/1998**

Под общей редакцией академика РАН В.М.Массона

Редакционная коллегия:

С.В.Белецкий, Г.С.Лебедев, В.М.Массон, А.Н.Кирпичников,
А.А.Ковалев, Ю.М.Лесман, Е.Р.Михайлова, В.А.Соболев

Адрес редакции: Россия, 195253. Санкт-Петербург, а/я № 71

Компьютерный набор и верстка: С.В.Белецкий

© ИИМК РАН, 1999.

ISBN 5-201-01184 (3/98)

Археология Петербурга

Г.С.Лебедев

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ Проект археолого-архитектурного заповедника в историческом центре Санкт-Петербурга

Международный благотворительный Фонд спасения Петербурга представил на обсуждение подготовленный совместно с Санкт-Петербургским филиалом РНИИ культурного и природного наследия проект "Первоначальный Петербург: археолого-архитектурный заповедник исторического центра Санкт-Петербурга". Проект основывается на результатах первых трех лет работы по осуществлению научно-исследовательской программы "Археология Петербурга", утвержденной созданным в 1995 г. Научным советом по историко-археологическим исследованиям на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области и в акватории Финского залива, в структуре Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию СПбНЦ РАН (АП I/96: 7-9, 114-115).

Археологические работы 1996-1998 гг. проводились с учетом и использованием результатов исследований предшествующих лет, равно как в сопряжении с архитектурно-проектировочными разработками по реставрации памятников "петровского Петербурга". Наряду с мониторингом, зондажами, зонированием культурного слоя на территории Васильевского острова, Петроградской, Адмиралтейской и Выборгской стороны в пределах Исторического центра, а также в округе Петербурга XVIII в., выявлены и изучены археологические объекты, относящиеся ко времени основания и первому десятилетию существования новой крепости, порта, а затем и столицы России на берегах Невы.

Петропавловская крепость — первый из этих объектов. В 1996 г. были восстановлены и актуализированы результаты археологических раскопок 1976 г., когда в Нарышкинском бастионе впервые удалось открыть и зафиксировать первоначальные деревянные конструкции — ряжи дерево-земляных укреплений бастиона, существовавших здесь в 1703-1728 гг. (Лебедев 1997: 3-8). Ряжи фиксируют положение и масштаб первоначального бастиона, юго-восточный фас которого располагался севернее существующих каменных (кирпичных) укреплений, сдвинутых по отношению к дерево-земляным вглубь неевского прибрежного мелководья (расширяя территорию Заячьего острова, как это происходило и при строительстве укреплений 1703 г.). По горже каменного (кирпичного) Нарышкина бастиона открыта также кирпичная стена Монетного двора, размещавшегося в помещениях бастиона с 1728 г. до конца XVIII в.

Проект реставрации сооружений Нарышкина бастиона (архитекторы И.Н.Бенуа и Т.Н.Ознобишина, институт "Реставрация") предусматривает понижение существующей дневной поверхности внутри бастиона приблизительно на 1,5 м. Это позволяет, наряду с решением инженерно-технических задач, во-первых,

раскрыть и реставрировать существенные архитектурные элементы сохранившихся укреплений — аркады, основание пандуса, фундаменты и основания стен исчезнувших построек внутри бастиона. Во-вторых, помимо исследованных, могут быть раскрыты части фаса дерево-земляного бастиона 1703-1728 гг., примыкавшие к каменному. Обращенные фронтом к Неве, эти конструкции в законсервированном виде (со строительством специального прозрачного павильона) могут быть дополнены "натурной" реконструкцией "модульной" клетки-ячейки дерево-земляного бастиона. В сочетании с реставрированной архитектурой каменного Нарышкина бастиона, Флажной бапни (возле "полуденной пушки" Петербурга), ограниченные стеной Монетного двора, эти объекты, впервые материально воплощающие Петербург первых лет (и буквально, дней) его строительства, могут составить самостоятельный и целостный архитектурно-археологический комплекс, корректно дополняющий ансамбль Петропавловской крепости — основной территории и экспозиционной площади Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Троицкий собор на Троицкой площади (б. Площадь Революции) был основной, соборной церковью первоначального городского "посада", где поблизости от "домика Петра" находились первые здания Коллегии, Гостиного двора, жилые постройки Городовой стороны, набережные и пристани Петербурга. Построенный в 1710 г., после разборки 1743 г. и пожара 1750 г. собор в 1756 г. был восстановлен и действовал 160 лет — до пожара 1913 г. Проект восстановления храма, разработанный архитектором Е.И.Катонинным, был осуществлен в 1923-1926 гг., однако в 1933 г. Троицкая церковь была закрыта, а здание — снесено (Моисеева, 1998). Исследования П.Е.Сорокина 1996-1998 гг. позволяют определенно выявить археологические остатки храма, вплотную прилегающие (и частично, может быть, перекрытые) монументальной застройкой советской эпохи (Сорокин, Пирогова: 1998, 296-299).

Проект восстановления (реконструкции) Троицкого собора еще в начале 1990-х гг. был разработан архитектором Д.А.Бутыриным. Совместная работа с археологами, и, прежде всего, участие в исследованиях П.Е.Сорокина позволяет существенно уточнить концепцию реставрации. Подлинные археологические остатки храма, поставленные КГИОП под государственную охрану как "памятник археологии № 1" в Санкт-Петербурге, не могут стать основой для восстановления здания на его первоначальном месте. Несомненно, здесь следует использовать подход, блистательно примененный В.Д.Белецким к памятникам Довмонтова города в Пскове, равно как и при музеефикации Десятинной церкви в Киевской области.

остатков храма должны быть выявлены и обозначены на современной дневной поверхности, по-видимому с сооружением поминального Креста. Восстановленный таким образом. Троицкий собор останется материальным свидетельством первых лет существования Петербурга, а созданный археологический музей под открытым небом станет значимым мемориальным и религиозным объектом Санкт-Петербурга XXI века. При осуществлении же намерения восстановить Троице-Петровскую церковь может быть использован наиболее корректный проект Е.И.Катонина: небольшое церковное здание, скрытое среди зелени площадного сквера, дополняя монументальный архитектурный ансамбль, будет достойным напоминанием о Петербурге Петра Великого (Гиндина 1998).

Кронверк Петропавловской крепости стал третьим из археологических объектов "первоначального Петербурга". Разведочные работы СЗАЭ СПбФ РНИИ КПН под руководством С.Л.Кузьмина в 1998 г. привели к открытию остатков первоначального земляного вала, рва и углубленной постройки с очагом, относящейся, по-видимому, к военно-строительному лагерю первых лет сооружения укреплений 1703-1706 гг. На материке прослежены также следы распашки, относящиеся к допетровской (а возможно, и дошведской) селитбге и аккумуляции территории.

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (начальник В.М.Крылов, ученый секретарь И.А.Таубин) разрабатывает научно-исследовательскую тему "Кронверк", в рамках которой выполнены предпроектные предложения по восстановлению кирпичных укреплений вокруг существующего здания Арсенала (1850-1860). Проект, предусматривающий восстановление бастионов, редутов, куртин с аркадами, пандусов, аппарелей, с привлечением археологических данных может быть выполнен в строгом соответствии с требованиями исторического реализма. Включение, как и в крепости, музеефицированных объектов "деревяно-земляной археологии" усилит достоверность и значимость архитектурного ансамбля Арсенала и Кронверка, которые станут, таким образом, доминантой парковой зоны Петроградской стороны вокруг Петропавловской крепости — в пространстве от Стрелки Васильевского острова до Троицкой площади (Долгошова 1998; Леуская 1998).

Выявленные археологические памятники "Первоначального Петербурга" уже на данном этапе исследования представлены широким диапазоном материальных остатков: вал, ров, котлованы построек и ям, деревянные конструкции, каменные фундаменты, кирпичные стены, в сочетании с артефактами петровской и допетровской эпохи. Документируя ключевые градостроительные объекты — укрепления городской цитадели и ее предполья ("гласиса"), постройки первых строителей, городской Храм — они свидетельствуют о значительном историко-познавательном потенциале культурного слоя Петербурга XVIII в., именно в этой части оказавшегося на своего рода "вымороженной" территории, во многом — свободной от городской застройки. В то же время, в случае музеефикации археологических объектов, в сопряжении с окружающими

памятниками архитектуры — Петропавловский собор и каменные бастионы, здание Арсенала, Соборная Мечеть, "неоклассицизм" советской застройки пл. Революции — они позволяют достичь эффекта, сопоставимого с "актуализацией" античного Форума в градостроительной структуре Рима (Лебедев 1993).

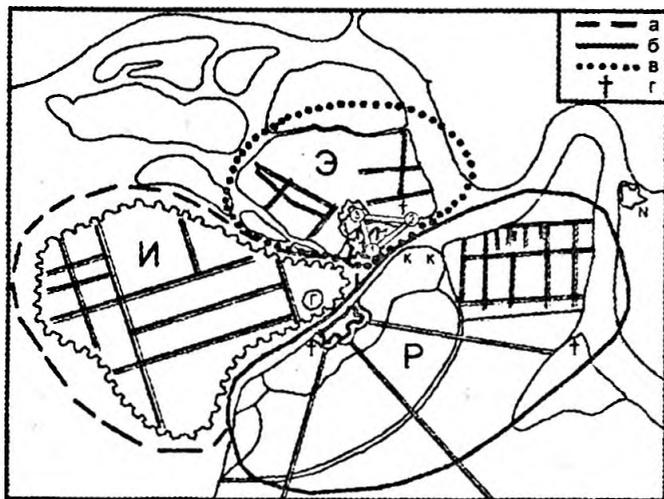

Рис. 1. Топография градостроительной типологии Петербурга. а-в — границы зон (Э — эмбриональная, И — идеальная, Р — реальная); г — храмы.

1 — Петропавловская крепость; 2 — Троицкая площадь; в — Кронверк

Проект "Первоначальный Петербург" может рассматриваться как существенное дополнение муниципальной программы "Музейный Петербург", приуроченной к 300-летию юбилею города в 2003 г.

Археологические памятники "Первоначального Петербурга" — дерево-земляная Петропавловская крепость, Кронверк, Троицкий собор — документируют "ядро" исходной городской структуры, формировавшаяся в течение первого десятилетия (рис.1). На этом "эмбриональном" этапе (1703-1712) Санкт-Петербург рос, подчиняясь архаическим нормам традиционного русского градостроительства — крепость, "город" + Троицкая площадь "Городовой стороны" = "дегинец + посад" (Белецкий 1980). "Идеальный Петербург" замыслов Петра I, отображенный в генеральном плане Ж.Б.Леблона 1715-1716 гг., отвечающий нормам западноевропейского градостроительства эпохи Просвещения, остался неосуществленным, и следы его сохраняются лишь в проспектах и линиях Васильевского острова.

"Реальный" Петербург с "трехлучьем" проспектов Адмиралтейской стороны, продолжающим магистралью сухопутных трасс в новую столицу из глубин России, сформировался в 1730-1740-х годах (прежде всего, в архитектурных новациях П.М.Еропкина) как своеобразное, качественно новое и высшее выражение российского и европейского урбанизма. Тем важнее выявить и сохранить материальные свидетельства, начального этапа становления этого урбанизма — археологические памятники Исторического центра Санкт-Петербурга, объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО.

БЕЛЕЦКИЙ С.В. 1980. Культурная стратиграфия Пскова // КСИА. № 160.

ГИНДИНА Е. 1998. Памятник археологии номер один // Вечерний Петербург. № 85.

ДОЛГОШОВА А. 1998. Город начинается здесь // Вечерний Петербург. № 206.

ЛЕБЕДЕВ Г.С. 1993. Рим и Петербург: археология урбанизма и субстанция Вечного города // Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Т.1 СПб.

ЛЕБЕДЕВ Г.С. 1997. Деревяно-земляная Петропавловская крепость 1703 г. (Нарышкин бастион по данным раскопок) //

Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т.П. СПб.-Псков.
 ЛЕУССКАЯ Л. 1998. Здесь жили предки наши // Санкт-Петербургские ведомости. № 213.

МОИСЕЕВА Н.Д. 1998. Трижды испепеленный // Санкт-Петербургская панорама. № 4-5.
 СОРОКИН П.Е., Пирогова А.Н. 1998. Утраченные храмы Петербурга — памятники археологии // ЦА. Вып.4. СПб.

Е.Р.Михайлова, С.Л.Кузьмин, В.Ю.Соболев, В.А.Глыбин

РАБОТЫ ПО ПРОГРАММЕ «АРХЕОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА» Предварительные итоги

В 2003 году Санкт-Петербургу исполняется 300 лет. Обычно этот возраст считают тем рубежом, с которого ведется отсчет “археологической истории” города. Являясь частью всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, Петербург, казалось бы, досконально изучен культурологами, историками архитектуры, искусствоведами. Однако за пределами поля зрения исследователей остается “Петербург подземный” — культурный слой города и археологические памятники предшествующих эпох, расположенные в пределах Большого Петербурга. Исчезновение этих ценнейших исторических источников объективно определяется стремительным ростом и развитием современного мегаполиса, поэтому настоятельным велением времени становится выявление, постановка на учет и проведение мероприятий по изучению и охране археологического наследия одного из величайших городов мира. Именно эти цели преследовала программа археологического изучения Петербурга, первый этап которой был реализован коллективом сотрудников С.-Петербургского филиала Российского НИИ Культурного и Природного наследия в течение лета 1996 — весны 1997 г.

В соответствии с намеченными целями и задачами исследования были проведены работы по оценке сохранности и сравнительного состояния исторических ландшафтов на территории Большого Петербурга. Были выявлены зоны, перспективные для поиска археологических памятников и территории тотальной перепланировки с полностью измененным историческим ландшафтом; проведена оценка перспективности поиска археологических памятников и локализации объектов, известных по письменным, картографическим и иным источникам, в том числе — составлен свод кладов и случайных монетных и вещевых находок; обобщены результаты археологических работ произведенных на территории Петербурга во второй половине XX в., позволяющие дать предварительную характеристику состояния культурного слоя города, его информативных возможностей; составлен краткий реестр изученных археологическими и архитектурно-археологическими раскопками объектов XVIII в.; проведены наблюдения за культурным слоем Петербурга, а также шурфовка Васильевского острова.

На основе проделанных историко-архивных, фондовых, библиографических изысканий и натурных археологических обследований и наблюдений была составлена карта археологического наследия Петербурга, включающего в себя культурные напластования, сформировавшиеся в процессе развития города, археологические памятники предшествующих эпох, расположенные на территории Большого Петербурга, и связанные с ними случайные находки и клады. Исходя из

источниковедческой специфики, артефакты можно сгруппировать и систематизировать следующим образом: 1. Местонахождения каменного века и раннего металла; 2. Поселения — средневековые и Нового времени; 3. Могильники и отдельные захоронения; 4. Культурные объекты; 5. Инженерно-технические сооружения, коммуникации, укрепления; 6. Клады и случайные находки; 5. Культурный слой мегаполиса Санкт-Петербурга.

К моменту основания Петербурга территория дельты Невы имела длительную историю заселения. Первые признаки жизни человека в этих местах относятся к эпохе мезолита—неолита. В Средние века эти места были плотно заселены, что хорошо известно по письменным источникам. Археологические памятники допетровского времени разделяются на несколько категорий, каждая из которых обладает характерными особенностями формирования и требует своих приемов выявления и изучения: 1) сельские поселения (деревни и починки Новгородских писцовых книг; центр погоста XV—XVII вв. — село Спасское, шведские поселки, мызы и усадьбы; дворы, связанные с охотничьими и рыболовецкими угодьями); 2) городское поселение Нового времени со сложной планировкой и развитой инфраструктурой (Ниен), обладающее типологическим сходством с Петербургом до его генеральной перепланировки в 1730-х гг.; 3) некрополи и одиночные захоронения, надгробия, склепы; 4) культурные объекты различных конфессий, которые могут быть изучены средствами археологии (монастыри, церкви, часовни); 5) укрепления, инженерно-технические сооружения, коммуникации; 6) местности, связанные с конкретными историческими событиями.

Культурный слой Петербурга обладает рядом особенностей по сравнению с культурными напластованиями других исторических городов. Петербург — город сравнительно молодой, строившийся по изначальному плану и сохранивший в центральной части стабильность застройки и инфраструктуры (трассы улиц и инженерных коммуникаций) на всем протяжении своей истории. Мощност культурных отложений города в основном невелика, слой подвергается постоянному хозяйственному воздействию, в результате чего происходит его интенсивное разрушение, в том числе “точечное” — наиболее распространенное и наименее часто фиксируемое.

СОХРАННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛЬШОГО ПЕТЕРБУРГА

Под историческим ландшафтом принято понимать местность, характерные черты которой сформировались в результате освоения территории человеком на

протяжении конкретных исторических эпох. Наиболее доступным для визуального наблюдения с точки зрения сохранности ландшафта является рельеф. Учитывая особенности топографии центральных районов города (низменная дельта Невы) и наличие сравнительно недавней городской застройки, нужно признать, что здесь древний рельеф наименее выражен и "запечатан" культурным слоем города.

К сожалению, карта насыпных грунтов на территории Ленинграда (Ленинград 1977) не делает различия между постепенно накапливавшимся городским культурным слоем, слоями насыпок и нивелировок, слоями строительного мусора, а тем более — между отложениями различного времени. Поэтому характеристику первоначального рельефа центральной части города можно получить лишь суммарно, на основании многочисленных шурфовок и наблюдений. Динамика накопления культурных напластований XVIII—XIX вв. должна освещаться сравнением картографических и письменных источников со стратиграфическими наблюдениями и вещественными материалами, полученными путем археологических изысканий.

Наиболее разработаны вопросы исторической географии дельты Невы для периода шведского господства (XVII в.). Это обусловлено, в первую очередь, устойчивым интересом исследователей к истории "Петербурга до Петербурга", наличием поземельных шведских описаний лена Нотеборг и ближайших окрестностей города Ниена, а также наличием значительного числа современных карт этих же местностей, собранных А.И. Гиппингом в единый тематический атлас (Гиппинг 1909; Лапто-Данилевский 1913). Тем не менее, сведения по географии этой эпохи ограничены преимущественно весьма приблизительным отождествлением тех или иных пунктов старых ландскарт с довольно обширными местностями Петербурга, входящим в основном к штудиям знатоков города конца XIX в. (напр.: Пыляев 1889). Точно привязаны к местности и подвергались археологическому обследованию лишь Ниен с его укреплениями и территория села Спасского, хотя в нижнем течении Невы по письменным и картографическим источникам известны малодворные поселения XV—XVII вв. (новгородские и шведские поземельные описания). Сведения по ландшафтоведению и исторической географии дельты Невы в предшествующее время ограничены по преимуществу предположительными реконструкциями проходивших здесь торговых путей.

Наиболее полно первоначальный ландшафт сохранился в южных и северных районах Большого Петербурга, где активная городская застройка 1960—1990-х годов искажила рельеф в меньшей степени. Однако специфика градостроительной деятельности второй половины XX в. (строительство широких транспортных магистралей, прокладка многочисленных коммуникационных трасс, массовая застройка целыми типовыми кварталами, где свободную от домов территорию занимают парки и скверы из насыпного грунта) создает почти непреодолимые препятствия для локализации на местности объектов со слабо выраженным культурным слоем (поселения времени писцовых книг и шведского владычества, пригородные усадьбы, деревни и дачные поселки, лишённые монументального каменного зодчества и не связанные жестко с заметными геоморфологическими объектами).

При сплошном обследовании территории ряда административных районов города — Кировского, Московского, северной части Красносельского, южной

части Выборгского, Калининского Приморского — материалы ранее XX в. не выявлены. В частности, при осмотре строительной траншеи на ул. Васи Алексева (бывш. Чугунный переулочек) зафиксированы мощные культурные напластования, однако находки из этой траншеи, относятся к 1930-м годам.

Оценивая сохранность исторических ландшафтов южных районов города, в первую очередь, нужно учитывать включенность этой территории в линию обороны Ленинграда в 1941—1944 гг. Примером могут служить сохранившиеся укрепления переднего края, выявленные на краю глинта, в районе пересечения улицы Авангардной и проспекта маршала Жукова. Данные укрепления разрушили существовавший на этом месте пригородный поселок "Климовские дома". Остатки производственных сооружений и жилых построек заметны до сих пор.

Наиболее перспективными районами поисков археологических объектов на южной окраине Большого Петербурга являются Пулковские высоты, Дудергофская возвышенность и прибрежные районы Финского залива (Стрельна — Ораниенбаум). В районе Пулковской обсерватории концентрируются находки кладов шведского времени. Новгородские писцовые книги и шведские карты фиксируют здесь село и мызу Пулково. На территории Пулковской обсерватории собран подъемный материал XVIII—XIX вв., и, предположительно, также XVII в. При целенаправленном поиске существует реальная возможность выявить археологизированные остатки позднесредневекового селения Пулково, однако бурное коттеджное и гаражное строительство, а также выделение участков под огороды ведет к уничтожению памятников и нарастанию сложности их выявления.

Особенно показательными в этом отношении являются северные районы Петербурга. Исходя из письменных и картографических источников, возможно было ожидать открытия позднесредневековых поселений в районе Шувалово—Озерки—Парголово, известных по шведским данным как Перккола-хоф, Крогх и др. Но городская застройка вплотную подступила к Суздальским озерам и Шуваловскому парку, а за линией железной дороги ведется активное коттеджное строительство. Обследование пространства к западу от Шуваловского парка и 3-го Парголова (направление на Каменку), пока еще свободного от застройки, археологических памятников не выявило.

Подводя итоги натуральных обследований 1996 г. и сопоставления их с архивными материалами, в частности, с фотодокументами конца прошлого — начала нынешнего века, следует прийти к заключению, что наибольшие изменения исторический ландшафт претерпел в зонах, где градостроительная деятельность требовала значительных нивелировочных работ. Выявление памятников в таких местах маловероятно. Перспективными районами поиска, с точки зрения сохранности исторического ландшафта, являются места, пригодные в древности и средневековье для обитания и хозяйственной деятельности и пока еще не испытывавшие кардинального воздействия роста Петербурга — южное побережье Финского залива, Дудергофские и Пулковские высоты, Курортный район, район Южки—Парголово—Бутры.

КЛАДЫ И СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ

Под случайными находками мы понимаем те артефакты, археологический контекст которых не был зафиксирован. В настоящее время учтено около 50

кладов и случайных находок, сделанных на территории Большого Петербурга за последние 200 лет (подробнее см.: Соболев 1998: 280-289). Среди находок преобладают монетные клады (35 монетных и 2 монетно-вещевых), далее по частоте следуют находки оружия (7), находки погребений или скелетов (5), различные предметы и сооружения.

Выделяются три периода выпадения кладов на территории Петербурга. Первый период — древнерусский: с ним связаны клад западно-европейских и два клада восточных монет. Все три клада тяготеют, по всей видимости, к средневековому торговому пути, проходившему по Финскому заливу и Неве, так что на основании этих находок нет оснований говорить о стабильном заселении дельты Невы и прилегающего побережья залива в домонгольское время.

Находок артефактов, относящихся к средним векам, на территории Петербурга сделано не было, за исключением кольчуги, найденной близ кинотеатра “Юность” в Новой деревне. На сегодняшний день, это единственное материальное свидетельство шведско-новгородских контактов в этом районе.

Второй крупный всплеск выпадения кладов приходится на времена шведского владычества в начале — середине XVII в. В этот период выпадает 13 монетных кладов, в составе которых в основном представлены мелкие и мелкие серебряные монеты чеканки короля Густава II Адольфа и королевы Кристины. Среди кладов этого времени преобладают небольшие, в пределах 50 монет, но есть и более крупные, число монет в которых измеряется тысячами, а вес достигает нескольких пудов. Самый значительный клад был найден в 1915 г. в районе Пороховых: он был сокрыт в двух дубовых бочках, а вес достигал 13 пудов 20 фунтов.

Третий период выпадения кладов непосредственно связан с началом строительства Санкт-Петербурга и жизнью Северной столицы. Самые ранние из них, по всей видимости, были сокрыты людьми, переселенными в Петербург и захватившими с собой свои сбережения. Таковы: клад, найденный в 1908 г. близ Сестрорецка, в состав которого входили копейки Петра I, монеты Ивана III и Ивана IV; клад копеек, найденный в “селении Колпинской волости” в поле; клад, найденный при постройке моста Петра Великого в 1911 г.

К этому же периоду относятся и начало создания системы подземных ходов, которые, по всей видимости, функционировали очень недолгое время и были забыты уже к последней четверти прошлого века. Разветвленная сеть подземелий на Стрелке Васильевского острова, связывающая здание Таможни со зданием Двенадцати Коллегий, в которых были найдены останки людей, кандалы и орудия пыток, и находка человеческих останков и кандалов возле второго пакгауза Таможни, наводят на мысль об очень решительных методах борьбы с контрабандистами или о работе под прикрытием таможни тогдашних спецслужб.

Находки оружия на территории Петербурга разделяются на две группы: к первой относятся находки личного и легкого стрелкового оружия, а также металлические снаряды (ядра), которые, по-видимому, попали в землю во время Северной войны, ко второй — находки тяжелого оружия, являющиеся свидетельствами обычной российской бесхозяйственности. Только таким образом можно объяснить попадание в землю двух русских пушек, найденных в начале XX в. в районе Адмиралтейства. Этим же можно объяснить находку двух деревянных ящиков с монетами Петра I, во времена которого на территории Сестрорецкого

оружейного завода существовал монетный двор. Интересная находка была сделана в марте 1902 г. в архиве пристава I стана в Стрельне. На рассмотрение Археологической комиссии был прислан клинок с гравированной надписью “*Vival tzaer Peter Alexeius. Solingen. 1710*”, обнаруженный в архиве. Откуда он взялся в архиве пристава, выяснить так и не удалось, но с его обнаружением связана довольно оживленная газетная дискуссия. Была высказана даже версия, что это “меч Петра I”. Однако в результате выяснилось, что это кавалерийский палаш, состоявший на вооружении русской армии в конце XVII — начале XVIII вв. Палаша такого типа, украшенные именем царя, массово завозились из Германии и отнюдь не являются редкостью.

Человеческие останки, найденные на территории Петербурга, делятся на три категории. В первую входят погребальные памятники самого раннего времени. Во вторую категорию входят криминальные захоронения (скелеты, обнаруженные под полом корчмы на Петроградской стороне), жертвы заплечных дел мастеров, останки которых были находимы закованными в кандалы в заброшенных подземных ходах, или жертвы несчастных случаев. К третьей категории можно отнести городские кладбища. С ростом территории города старые кладбища забрасываются, их места забываются или они преднамеренно включаются в черту городской застройки. Такова судьба некрополей Ниена, мест захоронения первых строителей Петербурга, одно из которых находилось на месте нынешней Дворцовой площади, кладбищ пригородных деревень, вошедших в черту города. Практически все старые кладбища, включая и функционирующие ныне, являются объектами интенсивных грабительских раскопок.

Среди находок, сделанных на территории Петербурга, есть и совсем загадочные. Кому и зачем понадобилось высыпать в Неву в районе Зимнего Дворца 90 пудов олова в слитках навсегда останется загадкой.

Формирование культурного слоя города наглядно иллюстрирует находка в Царском Селе при устройстве канализации закладного камня, сообщающего о строительстве церкви “во имя Святого Великого князя и равноапостольного Константина” в 1783 г. По какой-то причине строительство дальше закладного камня не продвинулось, а находка последнего в начале XX в. вызвала удивление, рассеянное только после обращения к епархиальным архивам.

Чисто вещевые клады на территории Петербурга связаны практически исключительно с событиями 1917-20-х гг.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ XVIII В. НА ТЕРРИТОРИИ БОЛЬШОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Археологические работы на территории Большого Петербурга производились спорадически и были связаны, прежде всего, с реставрацией архитектурных сооружений и изучением памятников садово-паркового искусства. Единственной на территории Петербурга попыткой археологического изучения городского культурного слоя стали работы А.Д.Грача в Таможенном переулке в 1952 г. Ниже приводится реестр изучавшихся объектов XVIII в.

ДВОРЕЦ МЕНШИКОВА. В ходе реставрационных работ, производившихся специальным научно-реставрационным производственным объединением “Реставрация”, были произведены архитектурно-археологические исследования здания дворца: сделано ок. 700 п. м ленточных расчисток, ок. 200 зондажей,

до 150 кв. м шурфов у основания зданий. В процессе реставрации цокольного этажа (к началу реставрационных работ превратившегося в подвал) был снят слой засыпки снаружи (мощностью 1,5 м) и внутри (мощностью 0,7—0,8 м) здания (Гессен 1977: 238).

САМПСОНИЕВСКИЙ СОБОР. В 1974 г. производились архитектурно-археологические исследования здания Сампсониевского собора. Были открыты каменные апсиды первоначального здания, разработана дендрохронология его деревянных конструкций. На прилегающем к собору кладбище XVIII в. зафиксированы некоторые скелеты и надгробные каменные плиты XVIII в. (Воинов и др. 1975).

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ археологически изучалась неоднократно. 1. В 1960 г. производилось архитектурно-археологическое обследование *Петропавловского собора*. 2. *Камендантское кладбище* исследовал в 1968—1969 гг. А.Д.Грач, в 1977—1979 гг. — В.А.Грач и И.Н.Бенуа. В результате раскопок были атрибуированы захоронения комендантов М.О.Чемезова, Я.Х.Бахмиотова, Н.И.Зиновьева, исследована и восстановлена могила Р.В.Брюса. Были установлены уровни дневной поверхности XVIII, XIX и XX вв. Результаты раскопок легли в основу проекта реставрации и музеефикации кладбища (Бенуа 1994). 3. *Нарышкин бастион*. В 1976 г. Г.С.Лебедев заложил два шурфа, вскрывших часть ограды Монетного двора Петровского времени и (предположительно) основание первоначальной дерево-земляной крепостной стены (Лебедев 1997). 4. В 1996 г. бригадой художников-печатников была расчищена от засыпки и строительного мусора *Невская куртина*. Встреченные при ремонтно-реставрационных работах предметы переданы в фонды Государственного музея истории Санкт-Петербурга, а в музеефицированных помещениях первого этажа Невской куртины устроена выставка наиболее интересных находок.

КРОНВЕРК ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ. В 1998 г. СПбФ РНИИ КРН производились разведочные раскопки на территории Кронверка. Помимо оснований земляных валов и рва первоначального кронверка, исследован культурный слой нач. XVIII в.: котлован землянки, обводные канавки, очажки.

ТРОИЦКАЯ ПЛОЩАДЬ. В 1997—1998 г. П.Е.Сорокин предпринял попытку локализации Троицкого собора на одноименной площади Петербурга. Культурные отложения середины XVIII в., а также фундаменты из плитняка и кирпича были вскрыты на газоне перед зданием Ленпроекта. По всей вероятности, большая часть остатков храма находится под этим зданием (Сорокин 1998: 266—267).

ЛЕТНИЙ САД. Археологические и архитектурно-археологические исследования на территории Летнего сада проводились неоднократно (Корсницвит 1985). В ходе их проведения был археологически изучен ряд объектов. 1. *“Гаванец”* у южного фасада Летнего дворца был выявлен при ремонтно-реставрационных работах в 1928 г., раскрыт в 1961—1964 гг. Здесь сохранилась первая каменная набережная Петербурга (Шамардин 1977: 245; Кузнецова, Борзин 1988: 64, 119—121). 2. *Фонтаны* на Главной аллее Летнего сада изучены раскопками в 1974 г.: вскрыты чаши четырех фонтанов, выяснены их форма и конструкция, зафиксированы следы работ по разборке и засыпке фонтанов в 1770-х гг. (Шамардин 1977; Корсницвит 1985). 3. Павильон *“Грот”* исследовался в 1975 г.: вскрыты дорожки перед павильоном, исследованы остатки Зеленого кабинета с фонтаном *“Лакоста”*

(Корсницвит 1980: 469, 480). 4. Боскет *Крестовое гульбище* в Темной (Еловой) роще раскопан в 1976 г. Раскопками выявлены: каменный фундамент полукруглой беседки с остатками деревянных столбов; остатки составлявших *“этуаль”* крытых дорожек шириной 2,5 м, небольшой фонтан в центре боскета (диаметр чаши 3,5 м) (Корсницвит 1980: 471—473). 5. Боскет *Птичий двор* в центральной части Летнего сада исследовался в 1976 г.: расчищены бутовый фундамент павильона *“Голубятня”* (1724), фонтан в центре боскета (Корсницвит 1980: 473—476). 6. Боскет *“Французский партер”*. В 1976 г. с помощью шупа установлена сохранность фундамента трельяжной ограды, раскопки не производились (Корсницвит 1980: 480). 7. *Менажерийный или Лебяжий пруд* с восточной стороны Главной аллеи исследовался в 1976 г.: уточнены размеры и форма пруда, выявлены облицованное кирпичом дно пруда, кирпичный фундамент ограды с ямками от столбов, остатки павильонов — птичьих клеток, расчищены остатки разобранного при засыпке пруда искусственного островка, выложенного из кирпича (Корсницвит 1980: 478—479). 8. *Большая (Каменная) оранжерея* была построена на границе 1-го и 2-го Летних садов. В 1977—1978 гг. В.А.Корсницвит производил охранные раскопки в зоне реконструкции Хозяйственного двора, ныне расположенного на месте Каменной оранжереи. Был вскрыт каменный фундамент оранжереи и остатки ее стен, сохранившихся на высоту до 1 м, уточнены ее размеры (73,84 × 15,12 м — одно из крупнейших первых каменных строений Петербурга), произведен дендрохронологический анализ изъятых из-под фундамента сосновых свай и определены их порубочные даты. При раскопках собран разнообразный вещевой материал, в том числе строительная и садовая керамика, столовая посуда, садовая скульптура, морские раковины, предназначавшиеся для украшения фонтанов и гротов Летнего сада (Корсницвит, Сергеевко 1984). 9. В 1976 г. В.А.Корсницвит раскопал каскад *“Амфитеатр”*, замыкавший с юга партер вдоль Лебяжьей канавки (Корсницвит, Сергеевко 1984: 521; Корсницвит 1985: 136). 10. *Летний дворец Петра I*. В 1950—1960-х гг., при комплексной реставрации дворца были проведены археолого-архитектурные исследования его фундаментов, установлен уровень дневной поверхности петровского времени, выявлены дорожки набережной *“гаванца”* (Кузнецова, Борзин 1988: 120—121). 11. *Дворцовая кухня*. В декабре 1997 г., при земляных работах в связи с ремонтом Невской ограды Летнего сада, на глубине ок. 2 м был обнаружен подвальный этаж снесенного в конце XVIII в. здания. В подвале найдены кости животных и печные изразцы. По предположению В.А.Корсницвита, здесь располагалась дворцовая кухня.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ. Впервые архитектурно-археологические исследования остатков Зимнего дворца Петра I были произведены в 1853 г. Ф.Солнцевым. В 1980-х годах были произведены археологические раскопки и музеефикация дворца (Михайлов 1988).

ТАМОЖЕННЫЙ ПЕРЕУЛОК. В 1952 г. А.Д.Грач исследовал культурный слой в траншее под трассу газопровода в Таможенном переулке: выяснены характер и последовательность культурных напластований, предложена их интерпретация в увязке с письменными источниками по истории строительства Петербурга. В траншее открыта часть подпола деревянного здания — предположительно *“сарая и конюшни с избою”*, построенных для профессора Ж.—Н.Делиля. При раскопках собран богатый вещевой материал. Результаты

исследований монографически опубликованы (Грач 1957).

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Надгробная плита академика С.П.Крашенинникова у Благовещенской церкви на Васильевском острове была случайно обнаружена в 1955 г. при строительных работах. Захоронение исследовано А.Д.Грачом в 1963 г. (Грач 1966): при вскрытии склепа найден череп, по которому в мастерской М.М.Герасимова воссоздан документальный портрет ученого. Останки перезахоронены в Лазаревском некрополе Александро-Невской лавры в 1988 г. (Исторические кладбища: 135).

РАЙОН СМОЛЬНОГО МОНАСТЫРЯ. Обследование побережья Невы у Смольного монастыря производил П.Е.Сорокин: обнаружены фундаменты ограды монастыря, материальные остатки, связанные со Смольным двором и дворцом Елизаветы Петровны (Сорокин 1998: 265). Здесь же выявлены материалы XIV—XV вв., связанные с существовавшим на этом месте селом Спасским (Сорокин 1994).

НАБЕРЕЖНАЯ МОЙКИ, 12. Дом на набережной Мойки, 12 был построен в 1727 г. (одно из первых каменных строений на участке левого берега Мойки от Невского проспекта до Конюшенного двора) и впоследствии неоднократно перестраивался. В 1973 г. архитектор И.Н.Бенуа произвела серию археологических зондажей, выявивших облицовочную кладку и проемы подвальных окон 1740-х гг. (Абрамович, Голлер 1977).

НАБЕРЕЖНАЯ МОЙКИ, 78. При инженерно-архитектурной шурфовке здания были встречены археологические материалы второй половины XVIII — начала XIX вв. (Глыбин 1998).

ЮСУПОВСКИЙ ДВОРЕЦ. В 1984 г. на территории Парадного двора дворца Юсуповых на Мойке проводил разведочные археологические изыскания институт Ленжилпроект. Было заложено 12 шурфов, позволивших выяснить характер и мощностные культурных напластований. Собран немногочисленный вещевой материал, выявлены существовавшие на протяжении функционирования двора мощения, их техника и особенности, уточнена датировка замощений. В одном из шурфов вскрыты сгоревшие остатки деревянной постройки, зафиксированной на плане 1767 г. (Кишук, Васильева 1990).

ФОНТАННЫЙ ДОМ. При архитектурно-археологических исследованиях фундаментов Шереметевского дворца на Фонтанке, производившихся объединением "Спецпроектреставрация", выявлены остатки кладбища, располагавшегося к юго-западу от здания дворца и нарушенного фундаментом его флигеля: расчищено несколько скелетов, при захоронениях встречены фрагменты белостенной керамики (устное сообщение И.К.Малкиеля).

ПЛОЩАДЬ ТРУДА. В 1996 г. при земляных работах по реконструкции пл. Труда (Благовещенской) и сооружению здесь подземного перехода вскрыта часть русла Петровского канала с облицовкой набережной XVIII в. (планируется ее консервация и экспонирование непосредственно во вновь построенном подземном переходе). Тогда же был частично раскрыт фундамент Благовещенской церкви (наблюдения 1996 г.).

НИКОЛЬСКИЙ РЫНОК. Археологические исследования производились в 1997 г. Музеем истории Санкт-Петербурга. В центре двора Никольского рынка обнаружен фундамент взорванной часовни. При раскопках изучены культурные напластования XVIII—XX вв. Тогда же во дворе рынка был расчищен деревянный накопительный колодец (Зурабян 1998).

ВОЛКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ. В 1967 г. в результате архивных поисков и археологических раскопок на лотеранском Волковском кладбище найдена могила Дж.Кваренги; останки зодчего перезахоронены на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры (Кирпичников 1970; Исторические кладбища: 135).

ЛАЗАРЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ. В 1927 г. обществом "Старый Петербург" производились раскопки у западной стены Лазаревской усыпальницы. На глубине до 2 м найдены надгробные плиты первой половины XVIII в. В 1929 г. обнаружено мощение клинкерным кирпичом главной дорожки, идущей от входа к Лазаревской усыпальнице (Исторические кладбища: 134).

ТРОИЦКО-СЕРГИЕВА ПУСТЫНЬ. В 1950—1960-х гг. производилась реставрация разрушенных в первой половине XX в. зданий монастыря, сопровождавшаяся шурфовками. В 1986 г. археолого-архитектурные работы на территории Троицко-Сергиевой пустыни производил В.А.Коренцвит. Он же изучал некрополь, выявив на нем захоронения А.М.Горчакова, А.И.Штакеншнейдера, принца П.Ольденбургского.

УСТЬ-ИЖОРА. С 1988 г. историко-археологическим изучением поселка занимается П.Е.Сорокин. В 1988 г. им проведены архитектурно-реставрационные раскопки церкви св. блгв. кн. Александра Невского; в 1989—1991 гг. — археологическое обследование территории поселка (Сорокин 1993: 27, 1996: 21). При исследовании церкви изучены фундаменты здания, сложенные из валунов и путиловской плиты; раскопано несколько ранних захоронений; установлено местоположение первого (1712 г.) и последнего (сгорел в 1797 г.) деревянных храмов св. Александра Невского (Сорокин 1998: 267). В 1989 г. П.Е.Сорокин археологически исследовал Усть-Ижорскую земляную фортификацию (Сорокин 1993: 31).

КРАСНОЕ СЕЛО. Фортификационные сооружения Нового времени выявил здесь в ходе натуральных исследований П.Е.Сорокин (Сорокин 1998: 265—266).

ОСИНОВАЯ РОША. Фортификационные сооружения Нового времени выявил здесь в ходе натуральных исследований П.Е.Сорокин (Сорокин 1998: 265—266).

ЦАРСКОЕ СЕЛО. В 1995 г. П.Е.Сорокин производил археологическую шурфовку на территории усадьбы Джакомо Кваренги. Шурфовкой выявлены основание дома Дж.Кваренги, оранжереи, Кофейного домика, дно усадебного пруда и подсыпка дорожек (Кашаев, Андреева 1996).

ПЕТЕРГОФ. 1. Усадьбу "Монкураж" в 1978 г. исследовал В.А.Коренцвит. Вскрыты фундаменты и остатки кирпичных стен главного корпуса, галерей и боковых флигелей дворца (Коренцвит 1989). 2. *Нижний сад.* В 1976—1978 гг. В.А.Коренцвит производил здесь предпроектные археологические исследования. Были выявлены чаши позднее засыпанных фонтанов и бассейнов петровского времени, садовые лабиринты, колоннады, павильоны, беседки. Раскопан Оранжерейный погреб, фундамент одной из беседок у фонтана "Адам", партер Монплезиурского сада (Коренцвит, Сергеев 1984: 521—522). В 1984 г. В.А.Коренцвит исследовал также "Темпль".

ОРАНИЕНБАУМ. Раскопки в Ораниенбауме производились под руководством В.А.Коренцвита с 1980 г. в связи с предпроектными археологическими изысканиями для разработки проектов реставрации архитектурных ансамблей Ораниенбаума. 1. *Нижний сад* Меншиковского дворца исследовался в 1984—1985 гг. Вскрыты 3 фонтана на Центральной аллее Нижнего

сада и система чугунных водоводных труб для них; кирпичные фундаменты постаментов для садовой скульптуры в центре четырех партеров; фундамент и задняя стена каменной оранжереи. Все объекты относятся к первой четверти XVIII в. (Кореншвит, 1994: 529 сл.; Горбатенко 1994: 407, 421). В 1985 г. С.Б.Горбатенко произвел зондаж фасада Большого дворца (Горбатенко 1994: 415, 416). 2. *Собственная дача* Екатерины II. Археологическими работами выявлены регулярная планировка аллей и дорожек Увеселительного сада; раскопаны фундаменты Кавалерских домов, Китайского павильона, Волного лабиринта, "Американских беседок" и колоннады Каталной горки; установлены первоначальные размеры и форма пруда перед Китайским дворцом (Кореншвит, 1994: 529 сл.). 3. Потешная крепость *Петерштадт*: расчищены валунные фундаменты Комендантского дома, гауптвахты, казематов, казарм, гарнизонной кирхи, арсенала, дома генерал-майора Ферстера, бульжные вымостки на плацу и на Крепостной улице у здания кирхи. Раскопан фундамент и полуподвальное здание каменного погреба (стены сохранились на высоту до 1 м), собран богатый вещевой материал (Кореншвит, 1994). 4. В 1996 г. сотрудники Санкт-Петербургского филиала РНИИ КПН по просьбе администрации музея-заповедника "Ораниенбаум" производили раскопки с целью локализации захоронения герцога Г.Г.Мекленбург-Стрелицкого, похороненного в 1909 г. на территории Нижнего парка Ораниенбаума. Местоположение могилы было установлено близ алтаря Лютеранской кирхи ("Каменного зала") (Белогубцева и др., 1998).

МАРТЫШКИНО. В 1926 (?) г. Историко-бытовой отдел Русского музея экспонировал вещи XVIII в., происходящие из двух разрушенных склепов лютеранского кладбища дер. Мартышкино (Тутё), полученные отделом в марте того же года (Степанов 1926).

УСТЬ-РУДИЦА. В 1949—1950 гг. производились раскопки на месте Усть-Рудицкой фабрики М.В.Ломоносова (Лапшин 1990: 80).

СЕСТРОРЕЦК. В 1907—1909 гг. С.С.Гамченко исследовал в окрестностях Сестрорецкого завода так наз. Сестрорецкие и Белоостровские курганы, а также раскопал здесь позднесредневековое селище в местности Канонерки — Бочаги (Гамченко 1913). В 1990-х гг. насыпи в районе Сестрорецкого Разлива изучались П.Е.Сорокиным. Радиоуглеродная датировка трех образцов из насыпей группы Сосновой Горы показала, что они относятся к XVIII — началу XX вв., что позволило связать их с углежогными сооружениями Сестрорецкого завода (Сорокин 1996, 1998: 265—266).

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА КУЛЬТУРНЫМ СЛОЕМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В течение лета 1996 — весны 1997 гг. производились наблюдения над культурным слоем С.-Петербурга: осматривались газоны и набережные исторического центра города, фиксировались стенки строительных котлованов и коммуникационных траншей. Были осмотрены и зафиксированы следующие объекты.

1. В.О., **ЗДАНИЕ ДВЕНАДЦАТИ КОЛЛЕГИЙ.** Около памятника «В бессмертие ушедшим», в обресе коммуникационной траншеи зафиксирован слой аморфного серого суглинка с большим количеством строительного мусора (до 0,60—0,70 м). Эта глубина является уровнем стояния грунтовых вод, что совпадает с наблюдениями Ю.М.Денисова, сделанными им при архитектурной шурфовке фундаментов здания Двенадцати коллегий в 1988 г. В отвале траншей собран

многочисленный подъемный материал: разнообразные изразцы (муравленые, белые, белые с росписью синими полосами, так называемые бисквитные в стиле модерн) и другая строительная керамика, черепки фарфоровой, фаянсовой и керамической посуды (кухонной и столовой), фрагменты шпофных и дутых колбовидных бутылей, кости животных. Из прочих находок нужно отметить: осколок окаменелости (белемнит); фрагмент глиняной помадной банки со светло-синей поливкой снаружи и белой внутри; обломок керамического подсвечника, сплошь покрытого темно-коричневой поливкой; пластинку из темно-серого сланца толщиной 4—6 мм, с просверленными в ней сквозными отверстиями и бороздами от заточки. В отвале траншей были встречены также многочисленные следы пожара, по-видимому, какого-то из соседних зданий: спекшиеся ошлакованные стекло и черепки, обгорелые железные гвозди.

2. В.О., **4-Я ЛИНИЯ.** Для замены коммуникаций в 1996 г. была вскрыта практически вся проезжая часть 4—5-й линии. По отвалам траншеи был собран мало выразительный подъемный материал: осколки стекла и фарфора XX в., единичные мелкие фрагменты керамической посуды и изразцов, корродированные обломки железных предметов. Траншея была проложена по постоянной линии коммуникаций, многократно перекапывавшейся, заполненной перемешанным грунтом и специально привезенным песком.

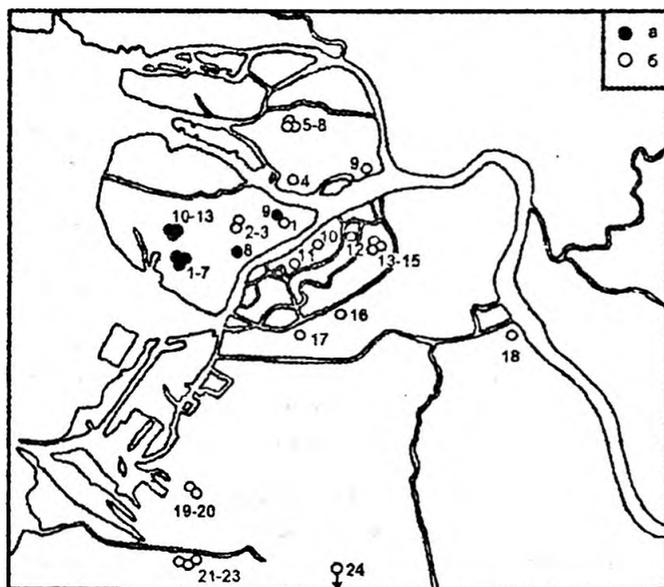

Рис. 1. Карта работ по программе "Археология Петербурга". а — шурфы; б — наблюдения за культурным слоем (номера на карте соответствуют номерам в тексте)

У пересечения 4-й линии с Малым пр., в стенке канавы удалось зафиксировать непо потревоженные отложения культурного слоя. Под слоем асфальта и связанной с ним щебневой подсыпки здесь залегала серая аморфная супесь, перемешанная с битым кирпичом. Этот слой, мощностью 0,35—0,50 м, частично перекрывался и подстилался значительными линзами мелкого светло-серого песка. Ниже слоя аморфной серой супеси начинался слой непо потревоженного плотного влажного сильно гумусированного песка черного цвета, в котором также встречались линзы мелкого серого песка и отдельные булыжники. Мощность этого слоя составляла не менее 0,6—0,8 м. В его основании прослежены горизонтально уложенные друг на друга пять

бревен — по всей вероятности, водоотводная конструкция. На дне канавы выступили грунтовые воды, почти скрывшие бревна, поэтому проследить конструкцию целиком и довести разрез до материка не удалось.

По словам рывших канаву рабочих, подобные конструкции из горизонтально уложенных бревен неоднократно встречались им при прокладке коммуникаций в старой части города, в частности, в районе гостиницы «Советская».

3. В.О., 8-Я ЛИНИЯ. В сквере у Благовещенской церкви на нарушенном перекопами газоне, был собран подъемный материал: фрагменты стеклянной, фарфоровой и керамической посуды XVIII — начала XX в., фрагмент кирпича с клеймом частной фабрики, крупный кованый гвоздь, кости животных. Из керамических фрагментов специального упоминания заслуживают трубчатая ручка поливного горшочка, черепки толстостенной глиняной бутылки с серо-зеленой поливой внутри, обломок помадной банки с синей глазурью с внешней стороны, фрагменты чернолощеной керамики, часть диска большого диаметра, многочисленные осколки западноевропейских бутылок для сельтерской воды из так называемой каменной массы (в том числе — один с надписью *HERZ...*).

4. ПРОСПЕКТ ДОБРЮЛЮБОВА. В строительном котловане в месте сооружения подземного перехода была зафиксирована следующая последовательность напластований: 1) мешаная аморфная слабо гумусированная супесь со строительным мусором — 0,9 м; 2) слой пожара — 0,26—0,32 м; 3) серая супесь, перемешанная со строительным мусором — 0,64—0,73 м; 4) плотный однородный гумус бурого цвета — 1,75—1,80 м. 5) Материк зафиксирован на глубине 3,70 м от современной поверхности.

5. БОЛЬШАЯ ЗЕЛЕНИНА УЛ. На Б. Зелениной улице в траншеях, вырытых для прокладки коммуникаций, была зафиксирована следующая последовательность напластований.

Зачистка 1. Под напластованиями асфальта и подсыпки под него, состоящей из крупного мягкого желтоватого щебня (общей мощностью 0,20—0,28 м) непосредственно на материке залегал непо потревоженный (?) слой аморфного черного суглинка мощностью 0,60—0,77 м. Материк здесь представляет собой желто-белый суглинок.

Зачистка 2. Под мощным (до 0,30 м) слоем асфальта и связанной с ним щебневой подсыпки (0,4 м) здесь залегал слой аморфного рыжлого суглинка, перемешанного со строительным мусором. Его мощность достигала 0,5 м. Ниже него, на материке, выявлен слой гумусированного суглинка черного цвета, мощностью ок. 0,45—0,50 м.

Подъемный материал представлен несколькими невыразительными обломками стекла и фриттового фарфора.

6. ЧКАЛОВСКИЙ ПРОСПЕКТ. На Чкаловском проспекте были осмотрены траншеи для прокладки коммуникаций, вырытые вдоль всего проспекта.

У дома 26 была зафиксирована следующая последовательность слоев. Под напластованиями асфальта и подсыпки под него из белого крупного щебня общей мощностью ок. 0,4 м залегала подсыпка из чистого светлого песка (0,20—0,24 м), перекрывающая вымостку из булыжников, уложенных в один слой. Булыжная вымостка уложена на подсыпку из такого же светлого песка мощностью 0,10—0,16 м, перекрывающую слой строительного мусора (0,20—0,23 м). Ниже слоя строительного мусора, фиксирующего разрушение какого-

то здания с последующей перепланировкой и замощением участка залегал слой влажного однородного гумусированного суглинка темно-серого, почти черного цвета, мощностью не менее 1 м, в котором на глубине 1,18—1,85 м от современной дневной поверхности залегали три горизонтально уложенных друг на друга бревна. Диаметр бревен составлял 0,18—0,24 м. На глубине ок. 2 м от современной поверхности в траншее выступили грунтовые воды.

У дома 54 стратиграфия напластований несколько отличалась от описанной выше. Здесь подсыпка под асфальт (светлый мягкий щебень с гудроном) была уложена непосредственно на мостовую из некрупных булыжников. Подсыпка под булыжную мостовую представляла собой слой светлого песка мощностью 0,06—0,09 м. Ниже залегал слой аморфного темного гумуса, перемешанного с песком, мощность этого слоя составляла около 0,2 м. Еще ниже, до самого дна траншеи, фиксировался слой однородного темного гумусированного суглинка мощностью не менее 0,6 м.

7. УЛ. ЛИЗЫ ЧАЙКИНОЙ. На месте разрушенного дома на углу улиц Лизы Чайкиной и Г.Димитрова зафиксирован котлован глубиной около 2,5—3 м и общей площадью около 400 кв. м. Выявленный в его обресе аморфный слой со значительным содержанием строительного мусора является, судя по всему, слоем разрушения стоявшего здесь ранее дома. Общая мощность упомянутого слоя — до 1 м.

8. РОПШИНСКАЯ УЛ. Здесь были осмотрены две траншеи, связанные со строительством наземного вестибюля станции метро «Чкаловская».

Траншея 1 заложена параллельно Ропшинской ул. (длина ок. 100—130 м, ширина 1 м, глубина 1 м). Слой мешаный, с большим количеством строительного мусора, преимущественно битого кирпича, однородный по всей длине траншеи и на всей ее глубине. Сверху строительный мусор перекрыт слоем привозной земли с торфом — остатки газона вдоль тротуара. Подъемный материал характерен для второй половины XX в. — фрагмент чайного блюдца белого фарфора с синей росписью, фрагменты тарной стеклянной посуды, металлические крышки от нее и фрагменты прозрачного оконного стекла алмазной резки. На дне траншеи проступают грунтовые воды.

Траншея 2 проходила перпендикулярно Ропшинской ул. и траншею 1 — от траншеи 1 к строящемуся зданию вестибюля станции метро. Длина около 50 м, ширина и глубина те же. Со стороны вестибюля под слоем нивелировки толщиной около 0,3 м начинается материк — песок. В направлении траншеи 1 толщина слоя нивелировки — слой темного цвета с включением строительного мусора (битый кирпич) — возрастает, достигая всей глубины траншеи. По всей видимости, в районе строящейся станции существовала незначительная естественная возвышенность, санированная в процессе городской застройки. На дне траншеи проступают грунтовые воды.

9. ПЕНЬКОВАЯ УЛ. В обресе строительного котлована во дворе дома 2 по Пеньковой улице зафиксирована следующая стратиграфия. На материке залегал слой бурого гумусированного суглинка (0,55—0,65 м), перекрытый слоем гумуса коричнево-черного оттенка (0,2 м), а выше — слой черного гумусированного суглинка (0,3—0,4 м). В слое черного гумуса зафиксирован развал битого кирпича. Резких границ упомянутые слои не имели, плавно переходя друг в друга. Сверху слой черного гумуса был перекрыт щебневой подсыпкой под асфальт и слоем асфальта. В отвале котлована

собраны фрагменты фаянсовой, стеклянной и грубой керамической посуды, несколько крупных фрагментов медной пластины толщиной 1,5—2 мм, раковины пресноводных моллюсков и большое количество обрывков мешковины и войлока, некоторые из которых покрыты толстым слоем гидроксида меди.

10. ИСААКИЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ. В обрезах траншеи зафиксирована следующая последовательность культурных напластований: под мощными (до 0,6 м) непрерывными слоями асфальта, залегает мощное бульжничье покрытие, непосредственно на которую и был уложен асфальт. Под мостовой и связанными с ней нивелировочными подсыпками залегает аморфный слой, насыщенный строительным мусором (следы последовательного возведения нескольких Исаакиевских соборов). В основании этого слоя, на глубине ок. 1,4—1,5 м от современной дневной поверхности, фиксируется бульжничье покрытие, уложенное непосредственно на болотистую почву первоначального Петербурга.

11. ПЛОЩАДЬ ТРУДА. В настоящее время на площади реконструируются трамвайные рельсы и сооружается подземный переход. В обресе строительного котлована заметны остатки фундамента Благовещенской церкви (построена в 1830-х гг., разрушена в 1929 г.). Угол фундамента разрушен котлованом. Фундамент из известняковых плит уложен на лаги — цельные бревна хвойных (?) пород диаметром около 0,4—0,5 м, которые в свою очередь опирались на вбитые в грунт сваи, также хвойных пород, сходной или чуть большей толщины. К сожалению, произвести зачистку разреза или собрать подъемный материал в условиях стройки не удалось. По словам работающих здесь строителей, при выборке грунта были найдены медные монеты.

12. МАЛАЯ КОНЮШЕННАЯ УЛ. В течение 1996—1997 гг. на М. Конюшенной ул. велись интенсивные строительные работы, связанные с прокладкой коммуникаций, капитальным ремонтом ряда зданий и устройством здесь пешеходной зоны. Весь грунт на территории улицы был снят на глубину до 1 м и вывезен. Снятый грунт представлял собой преимущественно напластования асфальта и связанных с ним подсыпок, а также верхнюю часть городского культурного слоя, сформировавшегося сравнительно недавно.

Траншеи, вырытые для замены коммуникаций во дворе д. 2 по Малой Конюшенной, прошли частично по старым трассам, а частично по сравнительно непо потревоженным культурным напластованиям, которые и были зафиксированы. Здесь был собран многочисленный подъемный материал XVIII—XX вв.: многочисленные фрагменты грубой кухонной, поливной и чернолопной керамики, фаянсовых и фарфоровых изделий, изразцов и облицовочных плиток, тарной стеклянной посуды, железные гвозди и другие детали крепежа, обломки керамических труб, черепицы и проч.

Окрестности Финской церкви на Малой Конюшенной улице — один из изначально заселенных участков Петербурга. Карты нач. XVIII в. фиксируют здесь Финскую церковь и Финский рынок.

Зачистка 1 была произведена в северной части двора, у запасного входа в травматологический пункт. Здесь, под несколькими уложенными друг на друга слоями асфальта и связанной с ними подсыпкой из мягкого желтого щебня (общая мощность напластований 0,21—0,24 м) был выявлен слой аморфной гумусированной супеси серого цвета общей мощностью не менее 0,7—0,8 м (до дна траншеи). В верхней части

слоя прослежено несколько линз и прослоек, связанных, по всей вероятности со строительными работами на этой территории. На глубине 0,35—0,70 м от современной дневной поверхности залегал развал сооружения из желтой глины, частично обожженной, с примыкавшей к нему с запада постепенно выклинивающейся линзой строительного мусора. Сверху этот слой разрушения глинобитной конструкции оказался перекрыт замощением из уложенных в один слой бульжничков среднего размера. Поверх бульжничье замощение в толще серой гумусированной супеси залегала линза темно-коричневой гумусированной супеси мощностью 0,04—0,10 м, перекрытая тонкой (0,02—0,06 м) прослойкой строительного мусора.

Зачистка 2 была произведена в южной части двора, у выхода из двора в Чебоксарский переулок. Стратиграфия в целом аналогична последовательности культурных напластований в зачистке 1. Под уложенными друг на друга слоями асфальта и подсыпке под асфальт из мягкого желтого щебня (общей мощностью 0,17—0,26 м) залегал слой аморфной гумусированной супеси светло-серого цвета. Мощность слоя серой супеси составляла не менее 0,8 м (глубина до дна канавы). В толще серой супеси, на глубине ок. 0,4 м от современной дневной поверхности, залегала вымостка из бульжничков среднего и крупного размера, уложенных в один слой. Сверху бульжничье замощение было частично перекрыто тонкой (0,03—0,06 м) прослойкой гумусированной супеси коричневого цвета, в свою очередь, перекрытой прослойкой строительного мусора (мощность последней — до 0,08—0,09 м). Еще одна линза строительного мусора открыта в толще серой гумусированной супеси ниже бульжничье замощения.

13. УЛ. БЕЛИНСКОГО. Были проведены наблюдения за слоем при прокладке коммуникаций и перепланировке сквера на углу ул. Белинского и Моховой ул. Собран подъемный материал XVIII — XX вв.: грубая кухонная и поливная керамика, фарфоровая посуда, поливные белые с синей росписью изразцы от единого набора, железные строительные детали, стеклянная тарная посуда и пр. Фиксация стратиграфии культурного слоя производилась в двух местах.

Зачистка 1 — напротив д. 2 по ул. Белинского. Здесь под современным дорожным покрытием (три слоя асфальта, уложенных на тонкую подсыпку из мягкого желтого щебня) общей мощностью 0,20—0,24 м залегал слой битого кирпича (0,08—0,10 м), перекрывающий слой аморфной слабо гумусированной коричнево-серой супеси, перемешанной со щебнем (0,11—0,14 м). Ниже этого слоя залегал слой плотной серой слабо гумусированной супеси мощностью 0,2 м, перекрывающий вымостку из крупных бульжничков, уложенных в один ряд. Ниже бульжничье замощения, непосредственно на материке, залегал слой плотной гумусированной супеси коричневого цвета. Материк здесь представляет собой сухую светло-серую супесь и залегает на глубине 1,00—1,10 м от современной дневной поверхности.

Зачистка 2 — у часовни церкви свв. Симеона и Анны. Под существующим дорожным покрытием (три слоя асфальта, уложенные на подсыпку из желтого щебня) мощностью до 0,3 м прослеживалась подсыпка из чистого желтого песка (0,12—0,15 м), перекрывающая мощный (0,30—0,36 м) слой битого кирпича, образовавшийся в результате разрушения стоявшего здесь прежде здания. Слой битого кирпича лежал на вымостке из не крупных бульжничков, уложенных в один ряд. Ниже бульжничье мостовой залегал слой аморфной

светло-коричневой слабо гумусированной супеси, перемешанной со строительным мусором. Мощность слоя светло-коричневой супеси составляла до 1 м.

14. КАРАВАННАЯ УЛ. В обрезах траншей, заложённых для прокладки коммуникаций у домов № 8—12, под мощным (0,5—0,7 м) слоем засыпки коммуникационных трасс читается слой темно-коричневой плотной гумусированной супеси, по всей вероятности, — линза непо потревоженного культурного слоя XVIII в. В отвале собраны невыразительные мелкие фрагменты грубой белостенной керамики.

15. УГОЛ ВЛАДИМИРСКОГО ПР. И СТРЕМЯННОЙ УЛ. Здесь были осмотрены коммуникационные траншеи. Стратиграфия читается только в продольных обрезах траншей, идущих вдоль Стремянной ул. Поперечные стенки — песок, засыпанный в траншею при устройстве коммуникаций. Было произведено две зачистки продольных стенок.

Зачистка 1 — в восточном конце траншеи, ближе к Дмитровскому переулку. Под существующим дорожным покрытием (два слоя асфальта, уложенных на гудроновую заливку и подсыпку из колотого мягкого желтого камня) общей мощностью ок. 0,4 м прослежена нивелировочная подсыпка из мелкого серого песка (0,16—0,20 м), перекрывающая мостовую из некрупных булыжников, уложенных в один слой. Булыжная вымостка была уложена непосредственно на слой аморфной серой супеси с содержанием строительного мусора. Мощность слоя серой супеси — не менее 0,75 м (до дна траншеи).

Зачистка 2 — в западном конце траншеи, на углу Стремянной улицы и Владимирского проспекта. Здесь под существующим дорожным покрытием (два слоя асфальта, уложенных на гудронную заливку и подсыпку из желтоватого мягкого колотого камня) общей мощностью ок. 0,30 м были прослежены нивелировочные слои желтой мешаной глины (0,10 м) и серого песка (0,10—0,12 м). Ниже залегал слой аморфной серой супеси со строительным мусором мощностью не менее 1,20 м (до дна траншеи).

16. СЕРПУХОВСКАЯ УЛ. Осмотрена коммуникационная траншея длиной около 200 м. Собран подъемный материал XVIII—XIX вв.: битая тарная, кухонная, аптечная и столовая посуда, целая помидорная банка со светло-синей глазурью снаружи и белой внутри, кости животных, осколки оконного стекла, в том числе — доалмазной резки и проч. Стенка не доведенной до материка траншеи была зачищена в двух местах, при этом выявлена следующая стратиграфия.

Зачистка 1. Нижним заметным в обресе слоем был слой однородного серого гумуса с фиксируемой мощностью 0,75—0,80 м, перекрытый прослойкой глины (0,07—0,08 м). Выше залегал слой битого кирпича, достигавший 0,12—0,15 м, еще выше — подсыпка из чистого светло-желтого песка (ок. 0,10 м). На песчаной подсыпке залегал слой бурого гумуса (0,08—0,10 м). Этот слой был перекрыт горизонтом пожара (0,04—0,06 м) и последовавших за пожаром строительных работ, результатом которых стал слой битого кирпича и прочего строительного мусора мощностью 0,12—0,16 м. Выше слоя строительного мусора залегает рыхлый насыпной слой нивелировки, более светлый к своему основанию.

Зачистка 2. Под двумя слоями асфальта, уложенного на щебневую подсыпку, залегал слой бурого гумуса 0,13—0,16 м. Ниже располагался слой битого кирпича (до 0,15 м), перекрывший булыжное замощение улицы. Среднего размера булыжники были плотно

уложены в два слоя, общая мощность мостовой составляла 0,14—0,20 м. Ниже залегал рыхлый аморфный слой подсыпки под мостовую (0,15 м), а под ним — слой черного интенсивно гумусированного песка, мощность которого составляла не менее 0,70 м.

17. ЛЕРМОНТОВСКИЙ ПР. На углу Лермонтовского пр. и 10-й Красноармейской ул., у д. 9 по 10-й Красноармейской, в обресе строительной траншеи была зафиксирована следующая стратиграфия. Под несколькими слоями асфальта и связанных с ними подсыпок из серого гранитного и мягкого белого щебня (общей мощностью до 0,40—0,45 м) залегала прослойка битого кирпича мощностью 0,06—0,10 м. Ниже начинался слой аморфной гумусированной супеси со значительным содержанием городского и строительного мусора. Мощность слоя темно-серой супеси не менее 0,5 м. До материка траншея не доведена.

18. ОБУХОВСКАЯ НАБ. На Обуховской набережной были осмотрены обнажения берега и собран невыразительный подъемный материал: осколки фарфоровой посуды, фрагменты проржавевших железных предметов и проч. В районе д. 48 зафиксирована следующая картина культурных напластований. Под задернованным газоном (общая мощность слоя дерна и земли 0,30—0,37 м) залегала каменная кладка на цементном растворе (ок. 0,15—0,18 м), ниже кладки — слой гумуса интенсивно-черного цвета (0,29—0,36 м) и подстилающий его слой пожара (до 0,20—0,22 м). Ниже слоя пожара залегал слой аморфного бурого гумуса мощностью не менее 0,5 м.

19. УЛ. ВАСИ АЛЕКСЕЕВА. При замене коммуникаций на ул. Васи Алексева, у вестибюля станции метро "Кировский завод", в отвалах траншеи были собраны осколки дуговых колбовидных и выдутых в форму стеклянных бутылей, стеклянных облицовочных плиток, кузнецовского фаянса, железные гвозди круглого и четырехгранного сечения. В обресе коммуникаций под слоем асфальта и щебневой подсыпки зафиксированы слой темно-серого аморфного сутлинка, насыщенного строительным мусором, в основном битым кирпичом. Общая мощность этого слоя достигала 0,8 м, причем к своему основанию слой заметно темнел, приобретая почти черную окраску. Материк здесь составляет плотная желтая глина.

20. АВАНГАРДНАЯ УЛ. При осмотре местности у пересечения Авангардной улицы и проспекта маршала Жукова были зафиксированы остатки пригородного поселка "Климовские дома" (XIX — первая половина XX в.), следы проходившего здесь переднего края обороны и культурный слой, связанный с послевоенной городской застройкой.

Собран подъемный материал: фрагменты стеклянной, фарфоровой, фаянсовой и грубой керамической посуды, железные предметы, винтовочные гильзы и осколки снарядов, фарфоровый изолятор, металлическая игрушка — солдатик современного производства. На двух осколках посуды частично сохранились клейма: зеленая подглазурная надпись <foreign || made на донце фаянсовой тарелки и зеленое надглазурное клеймо на донце фарфоровой чашки, составленное из перекрещенных серпа и молота, пятиконечной звезды и отдельных букв, образующих неразборчивую круговую надпись. Большинство стеклянных и фаянсовых черепков носит следы оплакованности, то есть — пребывания в сильном пожаре.

21. ЛЕНИНСКИЙ ПРОСПЕКТ. Осмотрен котлован глубиной до 2,5—3 м, под строительство жилого дома на углу Ленинского пр. и бульвара Новаторов.

Вновь формирующийся культурный слой представлен преимущественно строительным мусором, оставшимся от строительства подземного перехода и станций метро "Ленинский проспект". Велись наблюдения за перепланировкой территории, сопровождавшейся земляными работами на глубину до 0,5 м, вдоль нечетной стороны Ленинского пр. Культурный слой — строительный мусор, отложившийся при возведении указанных зданий. Часть грунта вывезена, устроена гравийная подсыпка, положен слой асфальта. Устроены новые газоны с привозной землей.

22. БУЛЬВАР НОВАТОРОВ. До начала строительства метро территория представляла собой местами подболощеный пустырь, грунт — желтовато-серый суплинок. Во время строительства станции метро "Перспект Ветеранов" территория использовалась как свалка строительного мусора, который впоследствии был разровнен и на привозном грунте был распланирован бульвар. При устройстве фундамента дома № 98/22 проведено бурение, в грунт забиты сваи, земля вывезена.

Производилось наблюдение за земляными работами, которые велись летом 1996 г. при строительстве павильонов торговой зоны на углу бульвара Новаторов и Ленинского проспекта. На существовавшем здесь прежде газоне на глубину до 0,5 м был выбран грунт. Слой состоял из остатков строительного мусора и мешаных городских отложений, верхний слой — привозной грунт (чернозем, торф для газона). Сбор подземного материала не проводился.

23. ДАЧНЫЙ ПР. На углу Дачного пр. и бульвара Новаторов был вырыт котлован для строительства дома. Его площадь достигает 600 кв. м, глубина — около 1 м. Материк — желто-серая глина — зафиксирован на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности. На слое погребенного дерна залегает балластный слой современного строительства мощностью около 0,3 м, перекрытый насыпным грунтом газона. Подъемный материал — несколько фрагментов современной керамической посуды горнового обжига, в т. ч. от цветочных горшков, осколки тарной стеклянной посуды, металлические пробки и пр.

24. ПУЛКОВО. В районе Пулковской обсерватории были обследованы участки, связанные с находками кладов медных монет XVII в. В 0,4 км к северо-западу от обсерватории на склоне Пулковских высот на огородах были найдены фрагменты чернолощеной посуды из беложгущей глины, окатанный довольно грубый толстостенный черепок светло-коричневого цвета, трехслойного обжига, с примесью мелкой и средней дресвы в тесте. Материал очень незначителен для точной датировки, однако предварительно может быть отнесен к XVIII в. или более раннему времени.

К северу от главного корпуса обсерватории на газонах были собраны куски металлических и стекловидных шлаков, бесформенные осколки темного кремня, кости животных, черепки фаянсовой и белоглиняной посуды (среди последних фрагмент стенки, изнутри покрытый непрозрачной желтой поливой), осколки стеклянной тары, фрагмент керамической помадной банки со светло-синей поливой снаружи, 50-рублевая монета чеканки 1993 г. В целом материал датируется XVIII—XX вв.

ШУРФЫ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ

С целью детального изучения городского культурного слоя Петербурга, его основных характеристик (мощности, морфологии, интенсивности накопления,

степени сохранности культурных остатков, включая органические материалы) и оценки его источниковедческих возможностей в различных частях Васильевского острова была заложена серия шурфов. Большинство их размещалось в пределах квартала, ограниченного Средним пр., 17-й и 18-й линиями. Квартал расположен в районе сравнительно поздней каменной застройки, долгое время своей истории бывшем фактически окраиной Петербурга. Площадь квартала планируется в ближайшее время к перепланировке и новой застройке. Столь частая шурфовка была обусловлена необходимостью выяснить, насколько велика площадь пятен и линз культурного слоя в условиях интенсивной городской застройки.

Шурф 1 был заложен у западного угла дома 69 лит. А по Среднему пр., со стороны северо-западного фасада здания. Площадь шурфа 9 кв. м.

Шурф 2 площадью 4 кв. м был заложен у юго-восточного фасада д. 69 лит. Б по Среднему проспекту. В шурфе выявлена следующая стратиграфическая картина. Под слоями асфальта и белой щебневой подсыпки под асфальт и гудроновой заливки (общая мощность 0,25—0,30 м) прослеживалась мощная (до 0,12—0,14 м) линза светло-серой штукатурки и известки, перекрывавшая серый мешаный слой, состоящий в основном из строительного мусора. Мощность этого слоя — 0,34—0,38 м. Ниже залегал слой темной мешаной аморфной супеси той же мощности, перекрывающий разровненный развал битых известняковых плит (0,26—0,28 м). Ниже, в основании слоя залегала очень влажная вязкая черная гумусированная супесь мощностью не менее 0,10—0,12 м. На глубине 1,60 м в шурфе проступили обильные грунтовые воды, что сделало невозможным доведение его до материка.

Шурф 3 площадью 4 кв. м был заложен у южного угла д. 37 лит. А по 18-й линии. Здесь были выявлены следующие культурные напластования. Под слоями асфальта, гудрона и подсыпки из желто-белого мягкого щебня (общая мощность 0,17—0,21 м) залегала нивелирующая прослойка каменноугольной крошки и шлаков, связанная с работой стоявшей здесь ранее котельной. Мощность этого слоя составила 0,09—0,21 м. Ниже залегал развал строительного мусора мощностью в среднем около 0,20 м. Под строительным мусором фиксировалась гумусированная супесь, содержащая культурные остатки и подразделявшаяся на два слоя — верхний, более темной окраски (0,19—0,38 м) и нижний, более светлый (0,12—0,19 м). Слои гумусированной супеси сформировались на прослойке застывшего бетона мощностью 0,04—0,05 м, в свою очередь, перекрывшей слой строительного мусора с преобладанием битого кирпича (ок. 0,08—0,10 м). Ниже залегал слой влажной черной гумусированной супеси, содержавшей культурные остатки, мощностью 0,24—0,28 м. Слой влажной черной супеси сформировался на естественно ожеженной вследствие избыточной влажности поверхности. На глубине 1,45 м в шурфе проступили грунтовые воды.

Шурф 4 площадью 8 кв. м был заложен у северо-восточного фасада дома 37 лит. Е по 18-й линии. Последовательность культурных напластований следующая. Под слоем городского и строительного мусора (0,18—0,23 м) фиксировалась нивелировочная подсыпка из крупного белого щебня (0,15—0,18 м), ниже — слой битого кирпича (0,11—0,12 м). Под слоем битого кирпича залегал мощный (ок. 0,35 м) слой строительного мусора — следы разрушения постройки. Ниже фиксировалась прослойка желтой глины мощностью

0,06—0,08 м, перекрывающая еще один строительный горизонт — последовательно залегающие друг на друге слой аморфной супеси, перемешанной со щебнем и битым кирпичом (0,14—0,16 м), слой строительного мусора вперемежку с углем (0,10—0,13 м), темный супесчаный слой со строительным мусором (0,23—0,25 м). С основания слоя строительного мусора с углем была впущена яма глубиной до 0,36 м, прорезавшая нижележащие слои. Заполнение ямы — строительный мусор с очень высоким содержанием битого оконного (?) стекла. Нижний из зафиксированных в шурфе слоев — влажная вязкая гумусированная супесь черного цвета, мощностью не менее 0,12—0,15 м. На глубине ок. 1,5 м в шурфе проступили грунтовые воды. Среди находок отметим небольшую керамическую куколку.

Шурф 5 был заложен у юго-восточного фасада д. 38 лит. А по 17-й линии. Его площадь 4 кв. м. Под слоем аморфного светло-серого песка со значительным содержанием строительного мусора (0,55—0,83 м) залегал слой гумусированного песка темно-серого цвета, также включавшего обильный строительный мусор (0,97—1,23 м). На глубине ок. 1,75 м в шурфе проступили грунтовые воды.

Шурф 6 был заложен у юго-восточного фасада д. 38 лит. Б по 17-й линии. Его площадь 4 кв. м. Вплоть до точки стояния грунтовых вод (1,60 м) на всю глубину шурф прорезал слой строительного мусора (битый кирпич, известь, булыжники, мешаный песок).

Шурф 7 был заложен к востоку—юго-востоку от д. 37 лит. А, во дворе. Площадь шурфа 8 кв. м. Прослежена следующая стратиграфия. Под дерном и привозной почвой газона (общая мощность ок. 0,30 м) залегал мощный слой черного гумуса (0,34—0,56 м), с уровня которого в северной части шурфа была впущена яма, прорезавшая нижележащие слои и заполненная тем же черным гумусом. В основании слоя черного гумуса прослежена часть горизонта пожара, выклинивающегося в северном направлении: уголь, сажа, зола, незначительные следы разборки строения (битый кирпич и булыжники). Ниже слоя черного гумуса залегали слои светлого гумусированного супинка мощностью 0,44—0,48 м и бурого гумуса мощностью 0,36—0,44 м. В основании культурного слоя, на материке (белый песок) залегал слабо гумусированный предматериковый слой мощностью 0,11—0,18 м.

Шурф 8 был заложен во дворе дома по 3-й линии. Площадь шурфа составила 4,5 кв. м. Под тремя слоями бетона общей мощностью около 0,3 м здесь залегал слой строительного мусора (0,3 м) и рыхлый насыпной слой (0,8 м), очевидно, также связанный со строительными работами. Под насыпным слоем залегал непотревоженный слой гумусированного крупного песка, из которого и происходят все сделанные в шурфе находки: черепки поливной, ангобированной и грубой кухонной керамики; осколки фарфоровой и фаянсовой столовой посуды, «сельтерских» бутылок из так называемой каменной массы; фрагменты оконного стекла; раковины пресноводных моллюсков, кости животных и прочие органические остатки. В целом материал может быть предварительно датирован XIX—XX вв. Материк — влажный пылеватый песок.

Шурф 9 заложен на стрелке Васильевского острова, во дворе Института русской литературы, у западной стены котельной Института. Выявлена следующая система культурных напластований. Непосредственно под асфальтовым покрытием двора залегал слой аморфного гумусированного песка серого цвета, перемешанного со строительным мусором XX в. (битое

оконное стекло алмазной резки, осколки силикатного кирпича, обрывки проводов с пластиковой изоляцией). В этом слое залежали разрозненные крупные булыжники. Слой аморфного серого песка подстилается линзой влажного пылеватого песка красно-коричневого цвета, выклинивающейся к востоку и утолщающейся к западу (к стене здания), где она достигает мощности 0,28—0,33 м. Ниже залегает слой аморфного сильно гумусированного песка коричневого цвета, перемешанного со строительным мусором, его общая мощность составляет 0,83—0,90 м. В толще слоя аморфного коричневого песка, в 0,50—0,60 м выше материка, залегает развал булыжного камня и крупных известняковых плит, сопровождающийся линзами мелкого светло-серого песка. Материком в этом месте является серый пылеватый песок, очень влажный и вязкий.

Находки в шурфе могут быть суммарно датированы XVIII—XX вв.: фрагменты оконного и бутылочного стекла, черепки глиняной и фаянсовой посуды, несколько фрагментов голландских изразцов первой половины XVIII в. Развалы камней и линзы однородного песка, очевидно, маркируют слои перестройки здания котельной.

Серия шурфов была заложена в западной части Васильевского острова, у д. 3 по Гаванской ул.

Шурфы 10 и 12 размещались в наиболее углубленной части здания — техническом подполье, культурный слой здесь оказался выбран строителями при устройстве котлована.

Шурф 11 площадью 1,70 кв. м был заложен в погребе одноэтажной пристройки, расположенной с восточной стороны от главного корпуса. Чередование слоев следующее: под слоем бетона (мощность 0,10 м) располагался слой строительного мусора (битый кирпич, сгустки цемента, булыжник и т.п.) мощностью 0,40 м. Ниже был обнаружен слой заторфованного гумусированного крупнозернистого песка, с примесью навоза. В этом слое были выявлены остатки сооружения — 5 досок, набранных впритык друг к другу и подпертые вбитым в грунт столбом. На дне сооружения располагался дощатый пол. Под описанной конструкцией был обнаружен нижний венец другой деревянной постройки, уходящий под фундамент ныне существующего здания. На стыке этих двух сооружений (на глубине 2,10 м от поверхности) были встречены фрагменты грубой керамики с примесью дресвы в тесте, орнаментированный горизонтальными линиями и многорядной волной. Ниже залегал материк — влажный пылеватый песок желтого цвета.

Шурф 13 был заложен во дворе здания, у южного флигеля. Его площадь — 1,20 кв. м. Здесь выявлено следующее чередование слоев: асфальт (0,10 м), щебневая подсыпка под асфальт (0,10 м), насыпной грунт — песок со строительным мусором и камнями (0,90 м), крупнозернистый заторфованный песок с органическими остатками, не содержащий находок (0,30 м), серая супесь с торфом (0,40 м), материк — мелкий влажный песок желтого цвета. Все фрагменты керамики происходят из слоя серой супеси с торфом.

Всего в процессе археологических наблюдений за слоем были полностью осмотрены территории Васильевского, Городского и Адмиралтейского островов, значительная часть Центрального района Петербурга, а также местности на севере и юге Большого Петербурга, произведена фиксация более чем 30 обнажений и зачисток культурного слоя, заложено 13 шурфов. Наибольшей мощности культурный слой достигает в

строительном разрезе на пр. Добролюбова. Стратиграфически и планиграфически культурные напластования Петербурга представляют собой чрезвычайно сложную, мозаичную картину. Серия из 7 шурфов, заложенных на территории одного квартала выявила существенную неоднородность культурного слоя даже на сравнительно небольшой площади, обусловленную сложной строительной историей территории большого города.

Собранные вещественные материалы (более 2 тыс. керамических фрагментов и иных предметов) представляют существенный интерес для характеристики материальной культуры Петербурга на протяжении трех столетий его существования. Подавляющее большинство материала составляют фрагменты керамических изделий, которые могут быть подразделены на несколько больших функциональных групп: кухонная, столовая и тарная посуда, строительная керамика (в составе которой особое место занимают изразцы), бытовые изделия (подробнее см.: Михайлова 1998: 273-279). Помимо керамических предметов в шурфах и обнажениях встречены многочисленные стеклянные изделия (в основном тарная и столовая посуда), железные строительные и крепежные детали, а также отдельные бытовые предметы.

Приведенные выше материалы дают картину археологии Петербурга только в первом приближении, но уже сейчас можно сделать ряд наблюдений, имеющих как общенаучное, так и практически-прикладное значение. Планомерное развитие города с момента его основания и фактически полное совпадение городской топографии прошлого с современной привело к тому, что культурный слой доступен для изучения лишь на ограниченных площадях. По всей вероятности, в Петербурге не удастся вести раскопки такими площадями как в Пскове, Новгороде и даже Твери и Москве. Однако для получения полной картины развития городской жизни раскопы сравнительно большой площади, значительно превосходящие шурфы, просто необходимы. Разрушение городского слоя, связанное с активизацией строительной деятельности (новые станции метро, замена коммуникаций, новое строительство в историческом центре города) идет устрашающими темпами. Встает вопрос об охране культурного слоя и организации спасательных аварийных раскопок, а также о создании постоянной службы наблюдения за земляными работами, организации заблаговременного согласования строительства с органами Охраны памятников.

Проведенные в 1996—1997 гг. исследования (архивные изыскания, мониторинг культурного слоя Петербурга, шурфовка отдельных участков городского слоя, обработка полученных материалов и результатов) позволили наметить основные проблемы и направления научного изучения археологии Большого Петербурга.

Можно считать установленным, что культурный слой Петербурга в пределах городской территории формировался различными путями, неравномерно и различными темпами, представляет собой толщу культурных отложений, на различных участках имеющую разную мощность, геоморфологические и культурные характеристики. С точки зрения археологии, культурный слой Петербурга, как и любого крупного современного города, представляет собой комплекс длительного накопления с рядом специфических характеристик: наличие объектов каменного строительства и элементов градостроительной структуры, насыщенность строительными остатками, наличие объектов

“индустриальной археологии” (следы производств, промышленных сооружений, испытательных полигонов, свалок и складов и т.п.), многочисленные нивелировочные подсыпки и замошения. Оставаясь объектом интенсивных строительных и инженерных работ в городе, культурный слой постоянно подвергается хозяйственному воздействию, в результате чего происходит его интенсивное разрушение, преимущественно линейное и “точечное” — наименее часто фиксируемое, но наиболее распространенное.

Вместе с тем, культурный слой Петербурга обладает целым рядом особенностей по сравнению с культурными напластованиями других исторических городов. Петербург — город сравнительно молодой, строившийся по изначальному плану и сохранивший в центральной — исторической — своей части стабильность застройки и инфраструктуры (в первую очередь имеющаяся в виду трассы улиц и инженерных коммуникаций) практически на всем протяжении своей истории.

Культурные напластования начального периода существования Петербурга — своеобразное «лоскутное одеяло» участков и пятен городской застройки и связанных с ней объектов, возникавших на сравнительно обособленных друг от друга участках и лишь позднее слившихся в единую зону городской застройки — нуждаются в дальнейшем выявлении и локализации. Вплоть до окончательного формирования застройки своего исторического ядра Петербург представлял собой зону довольно неравномерной застройки, что и выразилось в “лоскутном” характере его культурного слоя. То же можно сказать о ближайших городах-спутниках Петербурга (от царских резиденций до промышленных центров).

На многих участках под культурным слоем города нового времени располагаются напластования предшествующих эпох — от среднекаменного века до периода шведского господства в Ингерманландии, также являющиеся объектами археологического изучения.

Несмотря на длительные и богатые традиции петербурговедения, в отношении археологического изучения Петербурга к концу XX в. сделаны лишь первые шаги. Практически не производились раскопки с целью изучения не отдельных архитектурных сооружений, а культурного слоя как такового. Нет источников по развитию бытовой культуры горожан XVIII—XX вв. — шедевры Эрмитажа и Русского музея “повисают” в воздухе, будучи лишены своего общекультурного фона, отсутствуют базовые вещеведческие сведения, без которых невозможно изучение, да и просто датировка и атрибуция многочисленных артефактов. Необходимо составление археологического атласа Большого Петербурга, в котором был бы систематизирован и отражен весь материал по петербургской археологии, увязанный с конкретным пространством и временем. В качестве “программы-максимум” развития петербургской археологии на ближайшие годы можно предложить следующие основные задачи:

1. Разработка нескольких раскопов в центральной части города и ближайших пригородах (в административной черте Петербурга) с целью изучения основных характеристик культурного слоя и закономерностей его формирования. Эти раскопы станут, на наш взгляд, эталонными для научно-исследовательских и охранных работ в Петербурге как с точки зрения разработки методики раскопок, так и по разработке базовых типохронологических шкал массового материала.

2. Продолжение мониторинга культурного слоя — осмотр и фиксация обнажений, разрезов, стенок

строительных и коммуникационных траншей и котлованов, сбор подъемного материала, продолжающееся составление банка данных по мощности и содержанию культурных напластований Петербурга в различных частях города. Эта работа должна проводиться во взаимодействии со строительными, проектными, ремонтными и эксплуатационными службами города.

3. Проведение целенаправленного геологического бурения на территории мегаполиса с теми же целями.

4. Дальнейшее выявление объектов допетровского и раннепетербургского времени (путем археологических разведок, и архивных поисков), локализация этих объектов и постановка их на государственную охрану.

5. Разработка концепции, программы и устава Археологической службы Петербурга, которая взяла бы на себя координацию археологических работ.

6. Составление археологического Атласа Большого Петербурга, в котором нашли бы отражение следующие археологические и археологизированные комплексы и артефакты, систематизированные по хронологическому принципу: а) местонахождения каменного

века и раннего металла; б) поселения — средневековые и нового времени; в) могильники и отдельные захоронения; г) культовые объекты; д) инженерно-технические сооружения, коммуникации, укрепления; е) случайные находки и клады; ж) культурный слой мегаполиса Санкт-Петербург — зонирование территории Большого Петербурга в соответствии с результатами наблюдений и шурфовок; з) сохранность исторических ландшафтов и первоначального рельефа в отдельных частях города.

7. Создание на основе Атласа археологии Петербурга компьютерной базы данных; включение археологических объектов и зон охраны в Генеральный план реконструкции и развития Санкт-Петербурга (в том числе — создание соответствующего слоя в городской электронной геоинформационной базе).

8. Разработка программа «Некрополь Петербурга» по выявлению и локализации старых, в том числе — уничтоженных, кладбищ и отдельных захоронений на территории Петербурга, организация их государственной охраны.

АБРАМОВИЧ С.Л., ГОЛЛЕР Н.И. 1977. 250 лет жизни дома на Мойке // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1977. М.

БЕЛОУБЦЕВА Н.И., КИЛУНОВСКАЯ М.Е., СЕМЕНОВ В.А. 1998. Могила Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого в Ораниенбауме // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.

БЕНУА И.Н. 1994. Реставрация и благоустройство Комендантского кладбища // Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. Краеведческие записки. Вып. 2. СПб.,

ГАМЧЕНКО С.С. 1913. Исследование Сестрорецких курганов в 1908 году // ЗОРСА. Т.IX. СПб.

ГЕССЕН А.Э. 1977. Реставрация дворца Меншикова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1976. М.

ГИППИНГ А.И. 1909. Нева и Ниеншанц. Ч.1—II СПб.

ГЛЫБИН В.А. 1998. Предметы быта городского населения Санкт-Петербурга XVIII — начала XIX в. (по итогам работ 1997 г.) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.,

ГРАЧ А.Д. 1957. Археологические раскопки в Ленинграде: К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.-Л.

ГРАЧ А.Д. 1966. Открытие погребения С.П.Крашенинникова в Ленинграде // СЭ. Вып. 4.

ГОРБАТЕНКО С.Б. 1994. Формирование ансамбля Большого дворца в Ораниенбауме в первой четверти XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1993. М.

ЗУРАБЯН Н.М. 1998. Археологические раскопки на Никольском рынке // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КЛАДБИЩА Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993.

КАШАЕВ С.В., АНДРЕЕВА О.В. 1996. Археологические исследования на территории усадьбы Дж. Кваренги в Царском селе // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб.

КИРПИЧНИКОВ А.Н. 1970, Поиски Джакомо Кваренги // Неделя. № 29.

КИЩУК А.А., ВАСИЛЬЕВА Е.Н. 1990. Исследование территории комплекса Юсуповского дворца на набережной Мойки в Петербурге (археологические раскопки и историко-архитектурный анализ) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1989. М.

КОРЕНЦВИТ В.А. 1980. Центральная часть Летнего сада по материалам археологических изысканий // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л.

КОРЕНЦВИТ В.А. 1985. Раскопки летней резиденции Петра I в Ленинграде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.

КОРЕНЦВИТ В.А. 1989. Последний дворец А. Д. Меншикова "Монкураж" // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1987. М.

КОРЕНЦВИТ В.А. 1994. Крепость Петерштадт (археологические исследования в Ораниенбауме) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1993. М.

КОРЕНЦВИТ В.А., СЕРГЕЕНКО И.И. 1984. О майоликовых вазах-цветниках из раскопок Летнего сада и о керамисте Петровского времени И.П.Алабине // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1982. Л.

КУЗНЕЦОВА О.Н., БОРЗИН Б.Ф. 1988. Летний сад и Летний дворец Петра I. Л.

ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А.С. 1913. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.И.Гиппингом и А.А.Куником. СПб.

ЛАПШИН В.А. 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1. Западные районы. Л.

ЛЕБЕДЕВ Г.С. 1997. Дерево-земляная Петропавловская крепость 1703 г. (Нарышкин бастион по данным раскопок) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. СПб., 1997.

ЛЕНИНГРАД. Историко-географический атлас. М., 1977.

МИХАЙЛОВ Г.В. 1988. Зимние дворцы Петра I // Музей. № 9.

МИХАЙЛОВА Е.Р. 1998. Петербургская керамика // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.,

ПЫЛЯЕВ М.И. 1889. Старый Петербург. СПб.

СОБОЛЕВ В.Ю. 1998. Клады и случайные находки на территории Большого Петербурга // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.

СОРОКИН П.Е. 1993. Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора.

СОРОКИН П.Е. 1994. Археологические исследования в устье р.Охты // Петербургские чтения. Петербург и Россия. СПб.

СОРОКИН П.Е. 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // АП. I. СПб.

СОРОКИН П.Е. 1998. Археология Петербурга — итоги исследований и проблема сохранения и использования археологического наследия // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.

СТЕПАНОВ А. 1926. Выставка "Материалы из погребений XVIII в." (Мартышкино) // Русский музей. Историко-бытовой отдел. Сборник Русского музея за 1926 (?) г. Хранится в библиотеке ИИМК РАН, шифр Д 2844.

ШАМАРДИН М.В. 1977. Фонтаны начала XVIII в. в Летнем саду // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976. М.

А.Н.Балаш

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ИСКУССТВА НА ХУДОЖЕСТВЕННОМ РЫНКЕ ПЕТЕРБУРГА (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.)

Возможности внутреннего российского художественного рынка по приобретению античных памятников были достаточно ограниченными. П.Н.Столянский в очерке, посвященном художественной торговле в Петербурге в XVIII в., отмечал, что факты продажи скульптуры в Петербурге по сравнению с широкомасштабной практикой продажи картин, гравюр и эстампов имели достаточно случайный характер (Столянский 1913: 27). Следует признать справедливость этого утверждения и по отношению к первой половине XIX в.

Во второй половине XVIII в. античные памятники высокого художественного достоинства могли появиться в России лишь в том случае, если коллекционер приобретал их в Европе самостоятельно — во время путешествия (“Гранд тур”), либо через своих агентов. В записках Я.Штелина сохранились свидетельства прибытия в Россию подобных покупок: “В августе 1769 года ... на 2 кораблях из Чивитавеккья ... прибыли также для господина графа Григория Григорьевича Орлова около 30 античных и частью современных мраморных статуй, бюстов, барельефов ... Также господин фельдмаршал граф Кирилла Григорьевич Разумовский получил при этой okazji партию мраморных бюстов и других фигур, которые Его сиятельство купил и оставил в Италии” (Штелин 1990: 169). Среди подобных покупок наиболее значимой была коллекция античных памятников, собранная в Риме И.И.Шуваловым и привезенная им в Россию в 1777 г. В результате в частных собраниях Петербурга был накоплен фонд античных памятников, имевших бесспорное историко-художественное значение и подчас происходивших из крупнейших европейских коллекций. Благодаря продажам в кругу русских коллекционеров этот фонд не оставался в неподвижности. Он также постоянно пополнялся новыми зарубежными приобретениями.

Особое значение имела практика обмена или продажи античных памятников в кругу самих коллекционеров. Подчас подобная продажа могла служить способом урегулирования экономических взаимоотношений, причем стоимость памятника могла оцениваться не только деньгами. В переговорах о продаже земельного участка, которые И.И.Шувалов вел с К.Г.Разумовским, последний захотел получить в обмен на свое владение две античные мраморные статуэтки, которые были привезены Шуваловым из Италии и украсили гостиную его петербургского дома. Однако, И.И.Шувалов не решился расстаться с антиками и сделка не состоялась (Тимковский 1852: 64–65).

Объектом продажи между коллекционерами часто выступали памятники высокого художественного уровня с известным и авторитетным происхождением и даже целые коллекции. Среди последних наиболее значительный след оставила продажа коллекции Н.Ф.Хитрово (Неверов 1997: 105–116), происходившая поэтапно в конце 1810-х годов. Составленная, по преимуществу, в Италии, при содействии антикваров и

археологов, эта коллекция отличалась высоким уровнем представленных здесь памятников и состояла из разнообразных предметных комплексов — расписной керамики, резных камней и античной скульптуры. Специального аукциона собрания устроено не было, поскольку продажа осуществлялась лишь среди известных любителей и коллекционеров древностей в Петербурге и Москве, в каталогах которых подчас встречается указание на происхождение вещи из коллекции Н.Ф.Хитрово (Свиньин 1820: 79).

Достаточно распространенным способом продажи античных памятников были публичные аукционы, которые в России устраивались частными лицами и обычно проводились в частных домах. Аукционные продажи могли проходить как в аристократических особняках, где они обычно были связаны со смертью владельца и разделом его наследства, так и в мешанских домах, где подобные продажи часто были вызваны финансовой несостоятельностью и арестом имущества. Однако, в связи с особой редкостью подлинных античных памятников, практически исключено было их появление на неаристократических аукционах.

Аукционы в аристократических домах были доступны лишь ограниченному кругу лиц. В 1823 г. наследники графа А.К.Разумовского устроили распродажу его художественного собрания. “Так как целью одной было только собрать известную сумму денег, то и покупка оных предоставлена была предпочтительно родственникам и знакомым дому Графа Разумовского, и цена, по определению профессоров Иванова и Варнека, назначена невысокая. По собрании же всей суммы распродажа сия скоро была прекращена,” — сообщалось об этом событии обозревателем художественной жизни Петербурга (Свиньин 1823: 293). Как следует из этого же сообщения, на аукционе присутствовали в.кн. Николай Павлович, Н.С.Мордвинов, М.А.Милорадович, И.А.Гагарин, М.Н.Голицын (Свиньин 1823: 294–295). Наследники стремились завершить торги как можно скорее, в связи с чем экспертам-оценщикам — художникам Императорской Академии художеств — было поручено назначать низкие цены. На этом аукционе были проданы некоторые античные памятники, привезенные в Петербург из Италии в 1769 г. (Свиньин 1823: 296).

Некоторые аукционы вызывали большой интерес среди коллекционеров и получали известность в обществе. Среди подобных продаж следует особо выделить аукцион московского “Голицынского музея” — художественного собрания А.М.Голицына, завещанного им Голицынской больнице и распроданного его наследниками (Кузнецова 1995: 190–192) — длившийся с 20 февраля 1817 г. по 20 февраля 1818 г. Оставшиеся непроданными вещи были реализованы посредством лотереи в 1819 году (Гастев 1841: 290). В отличие от обычных аукционов аристократических собраний, эти распродажи имели широкий общественный резонанс: к участию в аукционах публика приглашалась через объявления в газетах (Московские ведомости 1817, №

6-8; Санкт-Петербургские ведомости 1817, № 11-12). Пятьдесят пять участников торгов стали новыми владельцами выставленных здесь художественных предметов (Гастев 1841: 289). Несмотря на то, что этот аукцион проходил в Москве, он привлек внимание петербургских собирателей. Характерен статистический отчет об этом событии, который подтверждает преобладание живописи на художественном рынке: всего было продано 323 картины, а также 55 предметов декоративно-прикладного искусства, статуй, бюстов из мрамора и бронзы (Гастев 1841: 288-289), часть из которых составляли античные памятники. Следует особо отметить, что на этом аукционе одновременно была выставлена на публичные торги наиболее крупная коллекция античных памятников.

Наблюдения над аукционами крупных художественных собраний, которые устраивались после смерти коллекционера его наследниками, дали повод П.П.Свиньину сетовать на превратности коллекционирования. Коллекция как предмет "хлопот, изыска и стараний" (Свиньин 1822а: 156) своего создателя обычно распродается наследниками, для которых на первом месте оказывается вопрос о ее материальной ценности. Такой финал обесмысливает собирательскую деятельность, поэтому П.П.Свиньин провозглашает ценностью не коллекцию, а сам процесс коллекционирования. Наслаждение, которое приносит собирательство, в связи с этим, — единственная настоящая цель коллекционирования художественных произведений (Свиньин 1822а: 156). Таков пессимистический вывод, который сделал редактор "Отечественных записок" — первого русского периодического издания, систематически информировавшего читателей о состоянии отечественного антикварного рынка.

Посредством объявлений в журналах и газетах часто сообщалось о локальных продажах в частных домах или в книжных магазинах памятников или коллекций, привезенных специально для этого из-за границы. Живопись для таких продаж поступала партиями (что не могло не отразиться на качестве картин, несмотря на традиционное обилие громких атрибуций); П.Н.Столянский (1913: 22-23) описал эту ситуацию для XVIII в., но и в первой половине XIX в. она менялась медленно. В связи с этим в прессе можно было найти объявления следующего содержания: "У Теокорни (живущего в Большой Мещанской улице, недалеко от Заемного Банка и Санкт-петербургской Губернской гимназии) находится для продажи статуя Аполлона, древнего Паросского мрамора (отличающегося от Каррарского светлыми блестками). Статуя сия найдена в Риме в 1818 году в земле близ Капитолия, и представляет собой Аполлона, играющего на лире... Она была свидетельствована в Риме знаменитыми артистами и признана истинным антиком как по благородству своего стиля, так и по достоинству отделки" (Свиньин 1822б: 405-406). О качестве этого "антика" свидетельствует то, что его владелец не решился обратиться прямо к коллекционеру или торговцу древностями, но принялся действовать самостоятельно. Следуя общепринятым художественным вкусам своей эпохи, владелец статуи особо отметил в своем объявлении, что продаваемая статуя "одной мерки с Аполлоном Бельведерским". Отмечалась ее сохранность: одна из рук новой работы, "равномерно и в туловище замечаются некоторые приделки". Владелец просил за статую 10 тысяч рублей (Свиньин 1822б: 406).

На фоне подобных спонтанных продаж очевиднее становится значимость антикварных художественных

магазинов, появившихся в конце XVIII в., которые со временем становились все более существенным источником поступления античных памятников в русские художественные собрания. Постепенно сформировался тип торговца древностями, который в ходе развития собственного дела приобрел глубокие знания в области истории искусства и навыки атрибуции памятников. Высокой репутацией "человека образованного в сфере изящных искусств" (Montferrand 1850: 18) в Петербурге в середине XIX в. пользовался И.Негри. Многолетняя деятельность по продаже художественных ценностей стяжала ему авторитет признанного знатока-эксперта. Степень доверия, с которым коллекционеры относились ко мнению Негри, демонстрирует рассказ О.Монферрана о том, что он решился на приобретение одной античной статуи для своей коллекции лишь по устному описанию и экспертному мнению петербургского антикара (Montferrand 1850: 18). Сын Иосифа Негри Александр, унаследовавший предприятие отца, успешно поддерживал и укреплял репутацию фирмы. В специальном справочнике "Адреса лиц, торгующих старинными художественными предметами" (СПб, 1871) имя А.Негри в списке петербургских антикваров поставлено на первое место.

Наиболее крупные столичные магазины выступали поставщиками высшей знати и императорского двора, что предопределяло особые требования к представленным здесь произведениям, внимание к вопросам их подлинности. К 1849 г. в Петербурге насчитывалось девятнадцать "картинных лавок и магазинов" (Цылов 1849: 158). Однако, само определение подобных заведений, в которых торговали художественными произведениями, говорит о том, что продажа скульптуры по сравнению с живописью традиционно носила значительно более ограниченный характер. Современник, описывая магазин Иосифа Негри, отмечал, что он "более богат картинами" (Фурман 1850: 115), тогда как скульптура представлена здесь достаточно ограниченно, работами европейских мастеров XVII-XIX в. Поэтому появление в антикварных художественных магазинах античных памятников, даже "второго ряда", было достаточно редким и примечательным событием.

Невозможно оставить без внимания такой специфический товар, как гипсовые слепки с антиков. Слепки требовались не только при обучении рисованию, но также вводились в жилые интерьеры и парковые ландшафты, включались в "античные коллекции". Приобрести качественные гипсовые отливки в Петербурге во второй половине XVIII — начале XIX вв. можно было в факторской Академии художеств на Васильевском острове, созданной в 1766 г. (Петров 1864: 152-157). Каталог факторской (1768) свидетельствует о том, что обычно здесь продавались гипсовые слепки и эстампы, тогда как живопись — копия и оригинальная — реализовывалась на периодически устраивавшихся публичных аукционах. Доступные цены факторской способствовали распространению художественных товаров среди городских обывателей. По замыслу организаторов факторской, слепки должны были завоевать широкую популярность в русском обществе, служить его просвещению, а также усложнению семантики городской среды.

Каталог факторской указывает четыре вида слепков: "белые просто", "белые с глянцем", "глиняного виду" и "медного виду". Гипсы, тонированные под мрамор и бронзу, стоили дороже. Очевидно, что слепки предназначались не для занятий рисунком, а для декоративного оформления и коллекционирования.

Кроме того, в каталоге постоянно встречаются заметки относительно того, где лучше размещать те или иные слепки. Среди прочих, в факторской предлагались слепки с памятников, находившихся в императорских собраниях, в частности, "Венера называемая греческая стоящая с мраморной что при летнем дворце" (Каталог 1768: 3), то есть статуя, которая позднее получит известность как Венера Таврическая; "Гермафродит лежащая на матрасе, с мраморной что в гроте при Летнем дворце" (Каталог 1768: 3об.). Предлагались также слепки с антиков, находившихся в европейских собраниях: "Флора, называемая Фарнезская стоящая" и "Геркулес называемый Коммод с тремя яблоками в руке" (Каталог 1768: 5об.), "Венера называемая Медицис стоящая" (Каталог 1768: 6), по поводу которых сообщалось, что "сии разные изображения пристойны для украшения зал, галерей, гостиных комнат, кабинетов, библиотек, по стенам на консолях также и на печах и каминах и для садиков" (Каталог 1768: 6об, 7). Предлагались также бюсты Гомера, Демосфена, Платона, Овидия, Сенеки, Горация, Цицерона, Лаокоона, Митридата, Клеопатры, Прозерпины, бюсты дочерей Ниобы, Весталки, сопровождавшиеся указанием, что ими "пристойно украшать сады, сени и лестницы" (Каталог 1768: 3). Документы и каталоги, связанные с деятельностью факторской, относятся лишь к XVIII в., из чего можно сделать предположение, что идея в целом не имела того коммерческого успеха, на который рассчитывали ее организаторы. История факторской при Академии художеств служит еще одним подтверждением наблюдения П.Н.Столянского: государственные учреждения часто выступали инициаторами художественной торговли, но они не сумели воспользоваться открывавшимися возможностями и со временем сократили свое участие в продаже художественных ценностей доступных широкому слою общества (Столянский 1913: 33).

Неудачными оказались также попытки частных торговцев художественными произведениями организовать широкоую торговлю скульптурными произведениями, выполненными "под мрамор", а потому недорогими и широкодоступными. Г.Кластерман, известный торговец книгами и печатной графикой, в 1796 г. предложил петербургской публике "под мрамор сделанные бюсты" и среди них "Вергилио, Демосфена, Гипократа, Платона, Сократа, Салфы; Горация; Аристотеля; Марка Аврелия; Агриппины" (Столянский 1913: 27). Предложенный репертуар определяла европейская традиция создания "галереи великих мужей". Подобные галереи часто размещались в библиотеках. Однако, предложенный горожанам товар не пользовался спросом, поскольку его репертуар восходил к тем нормам аристократической культуры, которые были востребованы лишь в узком кругу дворянского Петербурга.

Неожиданное продолжение этой инициативы Кластермана связано с уличной торговлей, осуществлявшейся продавцами-разносчиками. Ориентированная на потребности городских обывателей, она вряд ли могла заинтересоваться античными памятниками или их слепками. Тем более удивительно, что среди городских типов, изображенных в популярном периодическом издании "Волшебный фонарь" (1988),¹ помещено

изображение "Разнощика бюстов" (рис.1), костюм которого существенным образом отличается от простонародного платья других персонажей "Волшебного фонаря" (Волшебный фонарь 1988: 107-108)

Рис.1. "Разнощик бюстов".
Волшебный фонарь, 1817 г.

Из комментариев к изображению можно узнать, что продавец сам скептически относится к своему товару: "Носи, пожалуй, целый день без толку, если обувь тебе надоела". На плече у торговца лежит доска, к которой привязаны гипсовые слепки с римских бюстов и статуэтки: "Наставил мне мастер Гомера, Демокрита, Вертерову Шарлоту, из магазина французского, да какого-то цельного беса; хороша компания!" "Цельным бесом" торговец называет уменьшенную гипсовую копию с анатомической модели А.Гудона "Человек с обнаженными мускулами", так называемое "Экорше" (1776), которая использовалась в педагогической практике всех европейских академий художеств как классическое пособие для занятий по анатомии. Изображение последней можно считать рассматривать как предупреждение в том, что сатирическая образность авторов листа берет верх над задачей фиксации реального ассортимента товара, предлагавшегося уличным разнощиком.

Подтверждением этого предположения служит подпись к изображению, которая полна скрытых намеков на реалии русской жизни первой четверти XIX века: "Ну как возможно, чтоб купили бюсты ученых тогда, когда их и живых как собак везде гоняют".

¹ Это издание выходило в Петербурге в 1817 г. и представляло собой раскрашенные офорты, "городских типов", снабженные литературным комментарием. Создание "Волшебного фонаря" было результатом сотрудничества художников и литераторов, имена которых до сих пор дискусируются. В

данный момент предполагается руководящая роль А.Г.Венецианова, подобравшего художников для исполнения 40 гравюр, а также сотрудничество литераторов — Н.Греча, Ф.Глинки, П.И.Петрова (Осетров 1988.)

Ироничный комментарий, направленный к просвещенной публике, высмеивает распространившуюся в обществе моду на античное: "Да ныне посмотришь, ни к чему нет склонности и вкусу; если бы можно было, то я бы во всем свете установил один вкус, и вкус самый полезный, именно — к статуям, бюстам. Да он уж будет, уже начинают в передней комнате ставить Амуров, в зале Комуса, а в спальне Венеру в объятиях Марса. Вот эдакия пшуги сразу бы раскупили ... народ не глуп, ценит все по своей выгоде, а голова моего Гомера право столько же принесет пользы, сколько и сочинения его модному свету". Здесь же со всей определенностью указывается на элитарный характер интереса к античной культуре, которую символизируют слепки с бюстов Гомера и Демокрита: "Кто покупает бюсты кроме господ? Никто, купец што ли? или мастеровой народ? Нет, купец лобит образа да деньги; мастеровой трубку табаку, да пиво" (Волшебный фонарь 1988: 107).

Достаточно объективное представление о популярности, и распространенности античных (или же считавшихся таковыми) памятников в собраниях представителей третьего сословия в России в первой половине XIX в. позволяют составить материалы, связанные с подготовкой первой публичной "Художественной выставки редких вещей, принадлежавших частным лицам", состоявшейся в 1851 г. в залах Императорской Академии художеств. Организаторы выставки стремились наглядным образом показать ценность аристократических художественных коллекций Петербурга, которая могла быть воспринята обществом как объективная лишь при условии предварительного изучения всего спектра частного коллекционирования. В связи с этим через петербургские газеты они обратились ко всем горожанам, владеющим художественными коллекциями либо отдельными предметами, с предложением предоставить заявки на участие в выставке

(С.-Пб. Ведомости, 1850, № 271). Многие городские обыватели, принадлежавшие к разным социальным слоям, ответили на это предложение. Поданные ими письменные заявки являлись уникальным материалом, позволяющим проследить срез массового коллекционирования в Петербурге в середине XIX в. (РГИА. ф.789. оп.2. 1850, д.154). Следует отметить, что при объявлении о принадлежащих им ценностях, владельцы были поставлены перед необходимостью отобрать лишь лучшее, достойное быть показанным в залах Императорской Академии художеств, рядом с художественными произведениями, происходящими из коллекций аристократии. Изучение поданных заявок показывает, что в коллекциях городских обывателей преобладала живопись а скульптура играла ограниченную роль.

Среди заявок сохранилось письмо мешанина А.М.Ларионова, в котором сообщалось о "двух бюстах каррарского мрамора, изображающих императоров Траяна и Клавдия (Веспасиана), привезенных из Флоренции гр.Разумовским" которые их современный владелец желал бы выставить и продать (РГИА.ф.789. оп.2. 1850, д.154, л.12). Античная коллекция Разумовских, в том числе памятники, привезенные К.Г.Разумовским из Италии (1766), как уже упоминалось, были распроданы на закрытом аукционе после смерти А.К.Разумовского (1823). Возможно, что сменив затем несколько владельцев, некоторые из них оказались у А.Ларионова, при этом не было забыто происхождение бюстов.

Весьма показательным, что в объявлении А.М.Ларионова имя Разумовского используется в качестве гаранта, подтверждающего подлинность и ценность антиков. Кроме указанной заявки, ни в одном из других обращений не обозначен факт владения античными памятниками, что еще раз подчеркивает элитарно ограниченный круг их коллекционирования.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ или зрелище с.-петербургских расхожих продавцов, мастеров и других престопадных промышленников, изображенных верною кистью в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию. М. 1988. (факсимильное воспроизведение издания 1817 г.).

ГАСТЕВ М. 1841. Статистическое описание Москвы. М.

КАТАЛОГ разным гипсовым изображениям и эстампам продажным, по данному дозволению от Императорской Академии трех знатнейших художеств у фактора в нижнем апартаменте оной Академии. СПб. 1768.

КУЗНЕЦОВА И. 1995. Первый художественный музей в Москве // Сезоны. Хроника российской художественной жизни. Ежегодник. М.

НЕВЕРОВ О.Я. 1997. Коллекция семьи Хитрово // Труды ГЭ. Т. XXVIII. СПб.

ОСЕТРОВ Е. 1988. Рождение и жизнь "Волшебного фонаря". М.

ПЕТРОВ П.Н. 1864. Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Ч.1. СПб.

[СВИНЬИН П.П.] 1820, П.С. Первое письмо из Москвы // ОЗ. Ч.1, № 1.

[СВИНЬИН П.П.] 1822а. П.С. Распродажа коллекции Корсакова // ОЗ. Ч.10, № 26.

[СВИНЬИН П.П.] 1822б. П.С. Взгляд на новые отличные произведения художеств, находящиеся в Петербурге. Древняя статуя Аполлона // ОЗ. Ч.12, № 32.

[СВИНЬИН П.П.] 1823. П.С. Взгляд на новые отличные произведения художеств, находящиеся в Санкт-Петербурге. Не-что о картинах и других художественных произведениях гр. А.К.Разумовского // ОЗ. Ч.13, № 34.

СТОЛПЯНСКИЙ П.Н. 1913. Старый Петербург. Торговля художественными произведениями в XVIII веке (отдельный отгиск из журнала "Старые годы"). СПб.

ТИМППКОВСКИЙ И. 1852. Мое определение на службу. ч.3. Шувалов // Москвитянин. Т.5, № 10.

ФУРМАН П. 1850, Магазин редкостей Иосифа Негри // С.Пб. ведомости. 1850, № 277.

ЦЫЛОВ Н.И. 1849. Городской указатель или адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т.п. на 1849 год. СПб.

ШТЕЛИН Я. 1990, О скульптуре // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. т.1. М.

[MONTFERRAND] А.М. 1850, Medee. Groupe modern. Apollon Cithared, ouvrage grec. Imprimerie du journal de SPb.SPb.

Археологические известия и заметки

С.В.Белецкий

РАСКОПКИ УСАДЬБЫ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВВ. В ПУШКИНСКИХ ГОРАХ

В 1999 году Псковская областная экспедиция ИИМК РАН начала археологические исследования усадьбы Воскресенское, принадлежавшей в конце XVIII в. Исааку Ганнибалу (1747–1804 гг.) — четвертому сыну арапа Петра Великого. И.А.Ганнибал получил село Воскресенское после смерти отца (+1781) в 1782 г. (Василев 1899: 19–22).

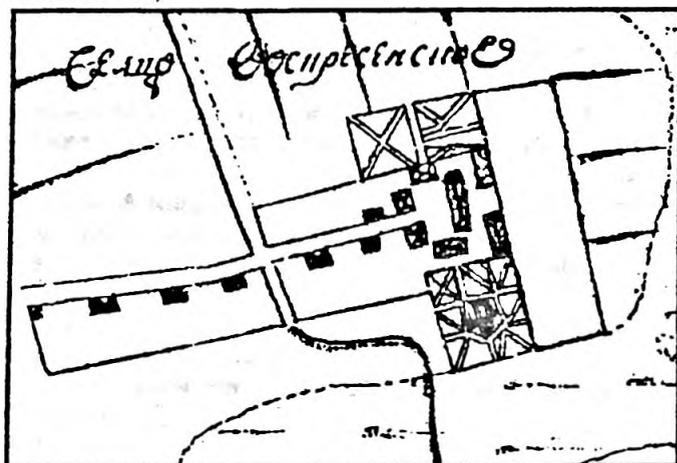

Рис. 1. План усадьбы Воскресенское 1786 г.

Судя по схематическому изображению 1786 г. (рис. 1)¹, планировка усадьбы была достаточно типичной для своего времени. Центральная постройка (барский дом) размещалась непосредственно напротив подъездной аллеи и была отделена от нее свободным пространством парадного двора (курдонер). По сторонам от центральной постройки располагались два отдельно стоящих флигеля, также выходящие фасадами к парадному двору. К барскому дому вела прямая подъездная аллея. Две постройки находились позади барского дома, а остальные строения были размещены вдоль подъездной аллеи. К югу и северу от поляны находилась территория парка, который имел регулярную планировку, а восточнее усадебных строений обозначено пространство, свободное от застройки и не имевшее, судя по плану, признаков парковой зоны. Осмотр сохранившихся на территории усадьбы фундаментов и руинированных построек показал, что планировочное решение усадьбы Воскресенское, засвидетельствованное современной топоъемкой (рис. 2), отличается от планировки усадьбы конца

XVIII в. Очевидно, что сохранившиеся следы застройки не имеют отношения к усадьбе И.А.Ганнибала и относятся к более позднему времени.²

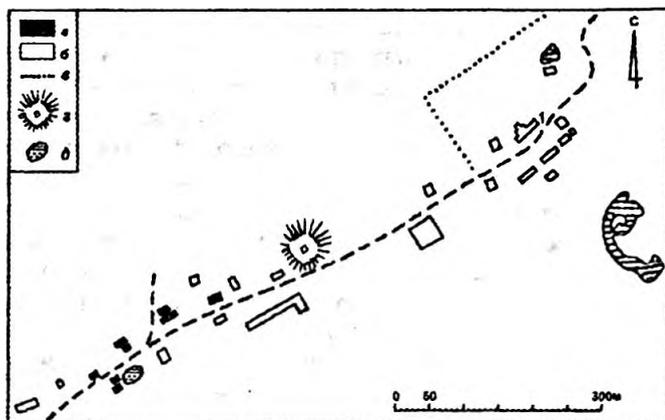

Рис. 2. Схема застройки д. Воскресенское.
а — существующие постройки; б — руинированные постройки и фундаменты построек; в — границы парка, выявленные при топоъемке; г — горка с остатками фундаментов храма; д — пруды

На протяжении XIX в. усадьба несколько раз меняла хозяев. И.А.Ганнибал уже в 1795 г. заложил усадьбу, а с 1801 г. Воскресенское переходит во владение К.Х. фон Штиндта. В 1830 г., после смерти фон Штиндта, усадьба переходит его родственнице Екатерине Карловне Княжевич. В 1850–е годы по завещанию Е.К.Княжевич, усадьба достается Ивану Крестину — основателю купеческой династии Крестинных. При сыновьях И.Крестина, Алексее и Якове, в Воскресенском был кожевенный и кирпичный заводы, большой рабочий поселок, школа, магазин (Мальцева 1999: 75–89). В начале 1918 г. усадьба Воскресенское была сожжена.

Следы пожара, фиксируемые при поверхностном осмотре территории усадьбы, позволяют с большой степенью уверенности утверждать, что именно эта застройка существовала к моменту гибели усадьбы в феврале 1918 г. Однако установить, когда именно сформировалась фиксируемая ныне планировочная структура усадьбы можно только путем проведения археологических раскопок. С этой целью в 1999 г. были подвергнуты раскопкам фундаменты здания, имевшего наиболее сложное

¹ Воспроизводится по копии, хранящейся в архиве Государственного Пушкинского заповедника.

² Технический отчет по топографической съемке парка усадьбы Воскресенское. Хранится в архиве Государственного Пушкинского заповедника.

плановое решение и являвшегося, по сведениям местных жителей, жилым домом последних владельцев усадьбы (далее — постройка № 1).³

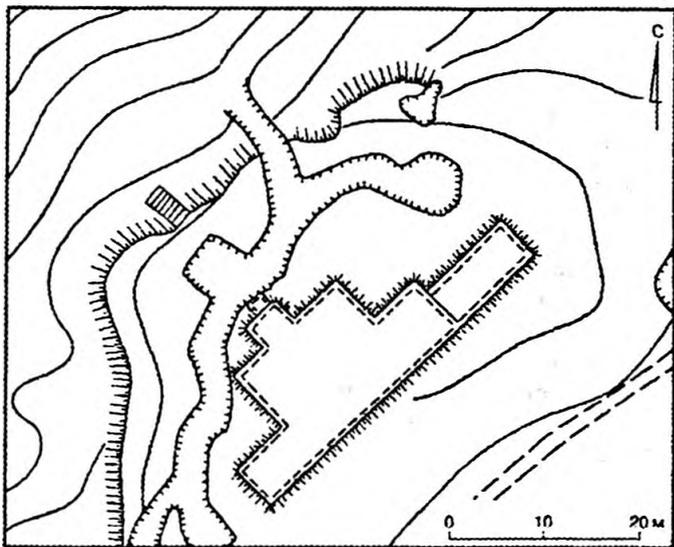

Рис.3. Усадьба Воскресенское. Постройка № 1.
Топосъемка до начала раскопок

Постройка № 1 (рис.3) имеет в плане неправильную форму. Контуры ее прослежены по задернованным рядам валунов. Длинным фасадом здание было ориентировано вдоль центральной улицы усадьбы. В сторону луговины, вокруг которой прослежены границы парка, обращено крыльцо со ступенями лестницы, ведущей по склону вниз (большая часть лестницы, ведущей в парк, уничтожена окопами времен Великой Отечественной войны). До начала раскопок было хорошо заметно, что в пределах внутреннего пространства здания имеется не менее пяти задернованных фундаментов печей: четыре печи размещались в пределах основного здания, а пятая — в северо-восточном флигеле. Северо-восточный флигель был явно пристроен к более раннему зданию: об этом свидетельствовало наличие у первоначального флигеля основного здания фундамента капитальной северо-восточной стены, разделяющей первоначальное здание и пристроенный флигель. Кроме того, по выступавшим из под дерна фундаментам складывалось впечатление, что флигеля первоначального дома не были симметричными. К крыльцу первоначального дома с внешней стороны была сооружена позднейшая пристройка, ассиметричная по отношению к первоначальному крыльцу.

На фундаментах постройки № 1 было заложено в общей сложности 6 шурфов (рис.4). Установлено, что внутреннее пространство здания представляет собой нижнюю часть цокольного полуподвального этажа, имевшего земляной пол. Фундамент здания сложен из двух-трех рядов крупных валунов, свободное пространство между которыми было заполнено кирпичной кладкой и пролито известковым раствором. Фасад цокольного этажа, раскрытый на

небольшом участке в шурфе 1, сохранил внешнюю декоративную обмазку цементом, в который были вдавнены мелкие гранитные камни неправильной формы.

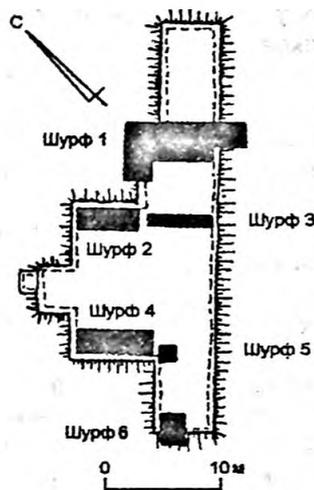

Рис.4. Усадьба Воскресенское. Постройка № 1
Схема размещения шурфов 1999 г.

В шурфе 6 открыт дверной проем, представлявший собой боковой вход в цокольный этаж юго-западного флигеля. Сохранилась кирпичная облицовка входа, выложенный из кирпичей порог и вмурованные в кладку облицовки пяты для дверных петель. На постелистой стороне кирпичей, положенных в кладку порога, зафиксированы клейма "И.Т.К." Кладка облицовки входа положена на известковом растворе. С внешней стороны торцевой стены флигеля открыт лежащий на уровне дневной поверхности ряд скрепленных цементным раствором не крупных валунов, представлявший собой, по-видимому, фундаментную подкладку под легкий навес крыльца.

Кладка стены, разделявшей шурфы 4 и 5, сложена из кирпичей на известковом растворе и представляет собой закладку между капитальной стеной здания и фундаментом печи. Такой же закладкой является стенка, разделяющая шурфы 2 и 3.

Стратиграфия заполнения внутреннего пространства цокольного этажа постройки № 1 оказалась одинаковой в пяти шурфах из шести: непосредственно под дерном залегала прослойка битого кирпича и белого печного кафеля финской фирмы Ракколаниоки с обильной примесью известкового раствора, которую подстилал мощный (до 40 см) слой золы и пепла с включением углей и многочисленных осколков оплавленного оконного стекла. На некоторых кирпичах сохранились клейма "И.Т.К.", оттиснутые на постелистой стороне кирпичей по сырой глине по крайней мере двумя различными штемпелями. Крайне незначительное количество углей в слое пожара свидетельствует о том, что деревянные конструкции практически полностью сгорели. Об этом же свидетельствуют многочисленные куски глиной обмазки, заполнявшей некогда пространство между бревнами; судя по отпечаткам дерева на обмазке, диаметр бревен достигал 25–30 см.

Находки сравнительно немногочисленные. Среди них упомянем железные серп, ножи, полотно двусторонней пилы-ножовки, массивную железную

³ Исследования проводились при финансовой поддержке ФЦП "Интеграция" (грант К-0389). В раскопках принимали участие практиканты из С.-Петербургского Университета культуры и искусств (кафедра музееведения) и Академической гимназии СПбГУ.

дверную цепь, фрагменты чугунок и сковород, детали от керосиновой лампы (?), навесные и врезные замки, дверные и оконные петли, ручки от окна и сундука, чугунную дверцу от печи, фрагменты цветочных горшков, кухонной и столовой глиняной посуды, осколки стеклянной, фаянсовой и фарфоровой посуды и стеклянных бутылок. Из редких находок следует назвать медную катушку для ленты от пишущей машинки, а также около полутора десятков обгоревших картофелин, происходящих из слоя золы и пепла. Никаких предметов ранее конца XIX — начала XX вв. в исследованной постройке обнаружить не удалось.

Таким образом, стратиграфия заполнения внутреннего пространства постройки может быть истолкована следующим образом: слой золы и пепла, очевидно, соответствует пожару февраля 1918 г., а перекрывающий пожар слой кирпичей и кафеля сформировался уже после гибели усадьбы — в процессе саморазрушения руинированных остатков печи и стен цокольного этажа здания.

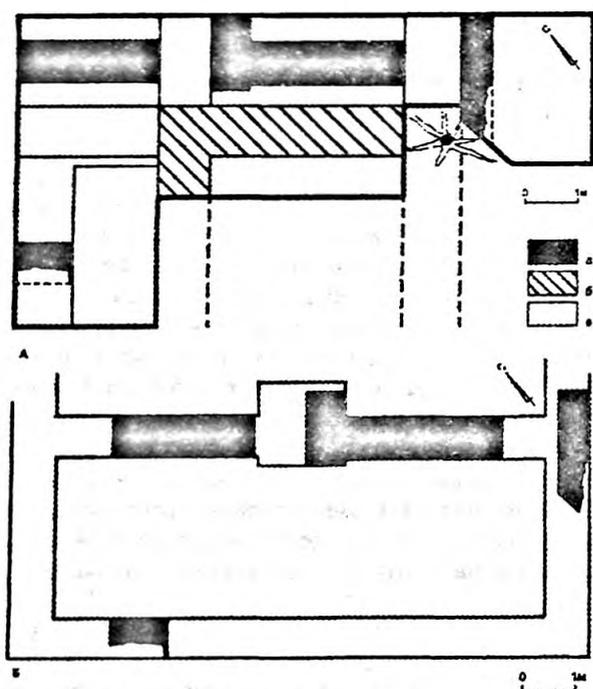

Рис. 5. А — стратиграфия кладок в шурфе 1 (а — кирпичная кладка на известковом растворе; б — кладка из валунов с кирпичом на известковом растворе, в — валунные кладки на цементном растворе); Б — постройка конца XVIII в.

Наибольший интерес представляют результаты, полученные в шурфе 1 (рис. 5). Стратиграфия слоя здесь отличается от стратиграфии заполнения цокольного этажа здания. Непосредственно под дерном залегал темно-серый слой с примесью кирпичного щебня и прослойкой угля (пожар 1918 г.). Этот слой подстилала тонкая прослойка известкового раствора. Ниже прослойки раствора зафиксирован слой светло-серого розоватого цвета с обильной примесью мелкого кирпичного щебня и частиц известкового раствора.

Установлено, что северо-восточный флигель действительно является более поздним по отношению к основной постройке: фундаментные валуны флигеля скреплены цементным раствором, лежат

на 0,5 м выше фундаментных валунов цокольного этажа основного здания и приложены к последним. Найденные во внутреннем пространстве северо-восточного флигеля фрагменты чугунок и сковороды свидетельствуют о том, что этот флигель был занят кухней. Об этом же свидетельствуют и руинированные остатки значительной по своим размерам печи, занимавшей в интерьере пристройки доминирующее положение (судя по задернованным руинам, размеры печи достигали 3 x 4 м).

Удалось установить, что зафиксированная при топосъемке асимметрия флигелей первоначального здания на самом деле мнимая: за угол капитальной стены постройки был принят выступающий из под дерна валун, являвшийся в действительности частью фундамента большой печи (размеры фундамента 1,8 x 2,6 м), пристроенной к стене здания. Валун печи скреплены цементным раствором. Рядом с печью раскрыт фрагмент фундамента, продолжающего северо-восточную стену постройки. Судя по сохранившемуся ряду валунов, эта часть постройки была возведена позднее основного здания, поскольку перевязь кладки фундаментов отсутствует, а валунный фундамент печи приложен к фундаменту капитальной стены постройки.

Кладка цокольного этажа пристройки была позднее полностью разобрана. Тогда же, очевидно, прекратила свое существование и печь: от нее до нас дошли только валуны основания и вымостка из булыжных камней, представляющая собой остатки пода. Значительные размеры печи, а также найденные рядом с ней фрагменты чугунок и обломок сковороды указывают на то, что данной помещением являлось кухня первоначального здания. Если так, то ликвидация части здания, занятого кухней и строительство кухонного флигеля являются составными частями одного и того же капитального ремонта.

Под кладками основного здания, пристройки и северо-восточного флигеля открыты остатки более древней постройки, фундамент и стены которой были сложены из кирпича (рис. 5, А). Кладка прослойка на один-два ряда кирпичей, толщина ее достигает 0,7–0,75 м. От более поздних валунно-кирпичных и валунных кладок кирпичные кладки были отделены прослойкой темно-серого культурного слоя. При расчистке кладки, а также в предметниковом слое собраны немногочисленные фрагменты керамики. Здесь же найдены фрагменты расписных кафельных плиток конца XVIII в. и медная пуговица того же времени. Зафиксированные в площади шурфа 1 фрагменты кирпичных кладок позволяют с известной степенью гипотетичности реконструировать часть плана постройки (рис. 5, Б).

Очевидно, что кирпичная постройка, предшествовавшая по времени постройке № 1, относится к концу XVIII в. а сама постройка № 1 датируется XIX в. Весьма вероятно также, что капитальная перестройка здания, при которой была разобрана первоначальная кухонная пристройка и возведен северо-восточный кухонный флигель, относятся к позднему периоду существования здания и датируются началом XX в. Возведение же постройки № 1 можно связывать с деятельностью Крестинных, владевших кирпичным заводом в с. Воскресенское. Если расшифровать клейма "И.Т.К." на кирпичах

как инициалы первого владельца кирпичного завода ("И[ван] Т[...] К[рестин]"), то строительство постройки № 1 следует относить к третьей четверти XIX в.

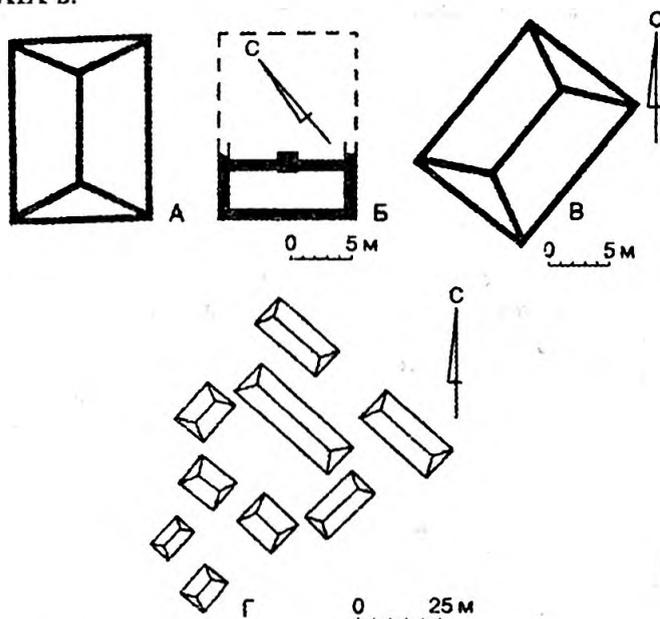

Рис. 6. Ориентация и масштабирование северо-восточной части усадьбы Воскресенское конца XVIII в.

Застройка усадьбы Воскресенское времен И.А.Ганнибала была, таким образом, полностью уничтожена при перепланировке усадьбы в середине XIX в. Однако есть некоторые основания определять наиболее перспективные для продолжения исследований участки.

Зафиксированный под северо-восточным флигелем дома Крестинных кирпичный фундамент принадлежал вероятнее всего, северному флигелю барского дома, зафиксированному на плане 1786 г.: на это указывает само местоположение постройки — над склоном к северной части парка, границы которого прослеживаются по современному рельефу и растительности. Совмещение раскрытых раскопками фрагментов постройки конца XVIII в. с северным флигелем схематизированного плана 1786 г.

позволяет ориентировать и масштабировать план 1786 г. (рис.6).

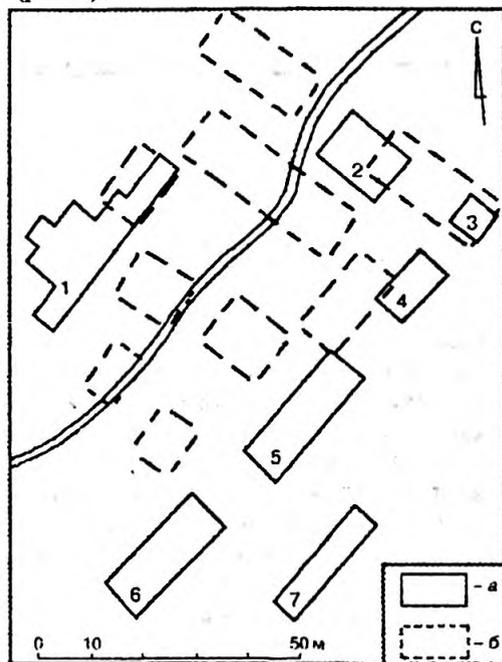

Рис. 7. Совмещение застройки усадьбы Воскресенское конца XVIII в. с современной топосъемкой. а — фундаменты и руины XIX в.; б — постройки конца XVIII в.

При совмещении плана 1786 г. с современной топосъемкой (рис.7) выясняется, что большая часть застройки конца XVIII в. занимает пространство, свободное от застройки XIX в. Таким образом, остатки этих построек оказываются доступными для раскопок. Учитывая, что застройка усадьбы Воскресенское конца XVIII в. сохранялась, скорее всего, без изменений вплоть до второй половины — последней трети XIX в., доступность построек конца XVIII в. для раскопок делает археологическое изучение усадьбы И.А.Ганнибала чрезвычайно перспективным: кажется, впервые в практике работ на территории Государственного Пушкинского заповедника появляется возможность провести полноценное комплексное археологическое исследование усадьбы предпушкинского и пушкинского времени.

ВАСИЛЕВ И. 1899. Следы пребывания А.С.Пушкина в Псковской губернии. СПб.

МАЛЬЦЕВА Т.Ю. 1999. Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. М.

Дискуссии

Л.С.Клейн

ПОЗНАНСКИЙ ТРУД ПО ТЕОРИИ КЛАССИФИКАЦИИ И ТИПОЛОГИИ

Один из интереснейших трудов по археологической классификации вышел на польском языке (Minta-Tworzowska 1994) и поэтому рискует пройти незамеченным в мировой археологической науке. Автор, Данута Минта-Твожовска, принадлежит к числу теоретиков археологии, работающих в Познани. Там сложился очень своеобразный и влиятельный в Польше круг теоретиков исторического и вообще гуманитарного знания во главе с Кмитой. Из археологов в этот круг входят покойный Ян Жак и Данута Минта-Твожовска. Одиннадцать лет тому назад она выпустила монографию о методологии Тейяра де Шардена (Minta-Tworzowska 1986). Девятью годами позже — обсуждаемую монографию о классификации.

Познанские теоретики выработали собственное представление о специфике гуманитарного знания, противостоящее логическому позитивизму и всему неопозитивистскому направлению с его упованием на исторические законы и жесткие логические конструкции объяснения фактов науки этими законами. Признавая лишь вероятностные регулярности в истории, познанцы отстаивают более свободные формы исторического объяснения в “рамочных” конструкциях. Вполне в традициях Восточной Европы (хоть исследовательница и относит Польшу к Центральной), Минта-Твожовска не делает различия между гуманитарными и общественными науками, так что она включает археологию и преисторию в гуманитарное знание. Проследивание мысли Тейяра де Шардена по сферам теологии, мистики, космологии, палеонтологии, геологии и преистории вряд ли могло отшатнуть ее от этой традиции, скорее распространить гуманитарные традиции и на смежные отрасли естествознания.

Научность гуманитарного знания только на первых ступенях его исследовательской процедуры — сборе материалов, описании и классификации — выражается в сходстве его методов с методами естествознания. Дальше их процедуры расходятся, поскольку выдвижение гипотез и их проверка независимыми фактами, составляющие содержание этого отрезка пути в естествознании, невозможны в гуманитарном знании и утверждение гипотез производится гуманитарными науками совершенно по-иному. В учении познанской школы нет четкого разделения между методами эмпирической обработки материала и последующим его объяснением и пониманием. Вернее сказать, в сфере интерпретации, где собственные методы разработаны гуманитарными науками слабо, в представлениях познанцев как бы

продолжают функционировать методы первичной обработки материала, неся дополнительную функциональную нагрузку.

Вероятно, этим объясняется оригинальное название труда Минты-Твожовской и его членение. Его название — “Классификация в археологии как способ выражения результатов исследований, археологических гипотез и теорий”. Рассмотрев в первой главе виды классификации вообще с точки зрения логики, исследовательница, перейдя к археологии, делит всё дальнейшее рассмотрение на две части. Первую составляет “Археологическая классификация как способ описания и упорядочения археологических источников”. Вторая часть называется более оригинально: “Классификация как способ представления археологических теорий (концепции культуры)”.

Во вступительных замечаниях, предшествующих первой главе (а глава эта, напоминая, предшествует обеим основным частям книги), исследовательница излагает свое понимание функций классификации. Классификация, во-первых, используется как способ дефиниции понятий, во-вторых, она служит выражением результатов исследования, в-третьих, посредством классификации формулируются гипотезы и теории археологии. Очевидно, первые две функции пересказаны в заглавии первой части книги как описание и упорядочение археологических источников (корректнее бы здесь: археологического материала). Уточнения ради, надо сказать следующее:

1. Дефиниция понятий связана с классификацией, но скорее противоположным образом: это она является условием классификации и проводится в значительной части для нее. Можно представить дело и так, что для категоризации нужна тоже классификация, но это другая классификация, не археологическая. Чтобы назвать горшок горшком, а миску — миской, нужна, конечно, классификация посуды, но эта категоризация понятий проводится до приступа к археологическому материалу.

2. Каждая фаза исследования, если у нее была предшествующая фаза (или предшествующее исследование), может быть расценена как имеющая дело с *результатами*, но всё же классификация помещается как правило очень близко к началу исследовательской процедуры — до нее осуществлены лишь постановка проблемы, сбор материала и описание.

3. Можно согласиться с представлением классификации как способа *описания*. Хотя описание и предшествует классификации, всё же оно, как и классификация, включает в себя категоризацию и, более того, предусматривает операции аналитической классификации (шкалирование признаков). Но вот упорядочение вряд ли стоит

числить функцией классификации. Это всё-таки операция другого рода, что осознает и сама Минта-Твожовска.

4. Однако главное уточнение-возражение относится к идее о гипотезах и теориях как задачах классификации. Да, конечно, классифицирование может быть гипотетическим. Да, оно пропитано теорией — хотя бы теорией классификации. Но ведь имеется в виду роль классификации в выдвижении гипотез и теорий о культуре. Ясно и то, что для выдвижения этих гипотез и теорий нужно иметь уже проделанную работу классификации — как предшествующий этап. Но ведь имеется в виду, что классификация сама является способом выдвижения этих гипотез и теорий!

Начать с того, что в этом пункте я не согласен с предпосылкой — с причислением археологии к гуманитарному знанию. Археология связана с гуманитарным знанием, использует его представления и обслуживает его, но сама к нему не принадлежит. На мой взгляд, она относится к прикладным наукам (Клейн 1992), а они по структуре ближе к естественным наукам, чем к гуманитарным. Но и без того, считать классификацию способом выдвигать гипотезы и теории вряд ли правильно и удобно. Слишком узка сфера приложения классификации и вообще группирования — только распределение материала по сходствам и различиям форм, — и слишком широки и разнообразны возможности приложения гипотез и теорий — вплоть до реконструкции миграций, социального устройства и религиозных верований. Эти реконструкции связаны с распределением материала по сходствам и различиям форм через длинный ряд промежуточных звеньев. Конечно, с выделением тех или иных ячеек классификации могут быть и ближе связаны гипотезы об их смысле, но это не обязательно, не присуще самой природе классификации и обычно выступает на следующих этапах процедуры.

Лучшим подтверждением того, что это так, оказывается содержание получившихся у Минты-Твожовской частей книги. В первой части автор говорит в основном о типах, во второй — об археологических культурах. Но ведь это две единицы одной и той же системы — классификации, два узла одного и того же процесса — классифицирования. Различаются они только по сложности организации и, соответственно, по информационному богатству для исследователя культуры. Природа этих явлений одна и та же, что показано лучше всего у Д. Кларка. Как тип слагается из признаков, так культура — из типов. Можно перестроить схему с *item-clustering* на *object-clustering*: как тип обобщает схожие артефакты, так культура — схожие замкнутые комплексы.

Правда, во вторую часть Минта-Твожовска также включает главу о стиле. Она числит понятие "стиль" на одном уровне с понятием культуры. На деле понятие "стиль" располагается на одном таксономическом уровне с понятием "тип". Стиль некорректно рассматривать, следом за ?. Скетом, как понятие комплементарное с функцией, взаимодополнительное к нему. На деле соотношение сложнее. Артефакты одного и того же функционального назначения составляют, по русской терминологии, одну "катеорию". Если они сходны по техническому воплощению, то

образуют тип, если же сходство затрагивает вещи, выполненные по свободному выбору — вне зависимости от их функционального назначения, вне обусловленности им, то это и будет стиль. Вместо функции здесь объединяющим и обуславливающим фактором являются контакт, общение, традиция. Следовательно, тип так относится к функции, как стиль — к ее отсутствию и замене традицией и т. п. Тип связан с функцией, а стиль комплементарен ему.

С культурой Минта-Твожовска связала стиль, вероятно, потому, что он охватывает вещи разных типов, как и культура. Но ведь и тип может в принципе нести на себе орнаменты разного стиля. Стиль может служить признаком культуры, как и тип. По своему образующему принципу стиль ближе к типу, чем к археологической культуре: он состоит из элементарных признаков.

Таким образом, структура книги мне не кажется удачной, но она адекватно отражает систему взглядов автора. Переносить же спор на состоятельность всей системы здесь вряд ли стоило бы. Обратимся к другим вопросам.

СИСТЕМА ПОНЯТИЙ. Наиболее интересной во всей книге мне показалась именно вступительная глава — та, где Минта-Твожовска рассматривает виды и понятия классификации с точки зрения логики. В отличие от многих авторов монографий об археологической классификации исследовательница не только обобщила свой персональный опыт и изложила свои гипотетические соображения насчет того, какую стратегию избрать. Она не только сделала обзор традиций археологии в этом вопросе (как раз это ей не очень удалось). Она также проработала общелогические основы классифицирования — как они сложились в нашей науке — и разобралась с основными понятиями в этом свете. Поэтому по крайней мере ее терминология и система понятий выглядят более устойчивыми, чем у других археологов — ее трактовки поддержаны общенаучным употреблением. Ни у кого больше из археологов-классификаторов не встречал я хотя бы ссылок на труды Макса Вебера об "идеальном типе" (Weber 1922) и К. Гемпеля — П. Оппенгеймера "Понятие типа в свете новой логики" (Hempel and Oppenheimer 1936). Впрочем, в польской литературе есть еще и работа И. Лазари-Павловской "О типологических понятиях в гуманитарном знании" (Lazari-Pawłowska 1966).

Словом, приятно читать и рецензировать работу грамотного теоретика (к сожалению, среди археологов это редкость).

Исследовательница разобралась с терминами, которые в археологии частенько выступают как синонимы, а если и различаются, то по-разному, всё заново и заново на основе произвола (чуть было не сказал: каприза) теоретизирующих археологов. Прежде всего Минта-Твожовска констатировала различие между терминами "упорядочение" и "классификация". "Классификацию" она определила как логическое (аристотелево) деление на основе принципов взаимоисключаемости ячеек и полноты охвата (всего материала без остатка). Упорядочение же не обязательно подразумевает деление. Это просто введение порядка — любого. Например, выстраивание по ранжиру. В этом смысле "упорядочение" — более широкое понятие, чем "классификация". Классификация — это одна из разновидностей упорядочения.

Кардинальное значение для археологии имеет различие классификации и типологии, и я рад, что в исследовательница разделяет мое убеждение и мои позиции. Но я доказывал свои взгляды спецификой материала и раздвоенном традиций археологии и смежных наук, тогда как исследовательница нашла обоснование в самой логике группирования, в системе понятий.

Типология — тоже вид упорядочения, но другой, более подходящий культурному материалу, где часто границы размыты, а ячейки могут взаимоналагаться, где есть аморфные участки материала, не поддающиеся естественному членению. В основе и класса и типа лежит сходство и различие форм. Но если классы образуются на основе деления всей совокупности и четкого распределения объектов по ячейкам, то типы — на основе формальной близости объектов к неким эталонам, вокруг которых образуются как бы сгущения объектов: чем больше сходство, чем ближе к эталону, тем их больше. В распределении по классам учитывается сходство или несходство, в образовании типов — *степень* сходства с эталоном. Классы имеют резкие границы, типы же по природе своей вообще не имеют границ. Тип — это не класс с размытыми границами.

К сожалению исследовательница не развила дальше эту мысль. Если тип реален, если это естественный тип, то у него и не должно быть границ, разве что других типов внутри категории не окажется и тогда тип будет ограничен пределами категории, совпадет в своих естественных границах с категорией. Но тип может получить *искусственные* границы, и тогда он превратится в класс. Это нужно для того, чтобы сделать его более операциональным. Из-за своей нечеткости и размытости типы плохо поддаются математической обработке и точечному картированию, а вот классы вполне для этого пригодны. Классы тоже могут быть естественными, но в культурном материале такие весьма редки. Искусственно ограниченные типы превращаются в искусственные классы, пригодные для обработки и сохраняющие естественное ядро типа. Я и предложил такую вторичную классификацию, вырастающую на базе типологии, именовать типологической классификацией (использував безхозный термин, употреблявшийся как попало).

В остальном же классификация и типология — параллельные понятия. Типология — не разновидность классификации, а та — не разновидность типологии. Обе они входят в упорядочение, но между ними и упорядочением есть еще одно промежуточное понятие — *группирование*, то есть создание групп (любого вида). Классификация и типология есть виды группирования.

Исследовательница вписывает в эту систему понятий также и *систематизацию*, устанавливая ее значение по Гемпелю. Систематизацию она определяет как одноуровневую классификацию при условии упорядочения. Я не уверен в корректности этого определения. Ведь установление систем предполагает группирование, где ячейки получают новое содержание, которого не было у их составляющих. Вряд ли здесь имеет значение число уровней.

РЕАЛИЗАЦИЯ В АРХЕОЛОГИИ. Этому, фактически, посвящено основное содержание

книги — обе ее части, семь глав. В первой части книги три главы. В первой из них (по общей нумерации она вторая), как гласит ее название, описываются “Культурная и историческая концепция классификации”. Дело в том, что автор рассматривает классификацию в контексте основных направлений археологии. Диффузионистское направление, связанное с антропогеографией и “историческими школами” в этнографии, она считает наиболее повлиявшим на сложение классификации в археологии. Это они ввели понятия “культурный ареал”, “культурный круг”, “ареал типа” и т.п. Результатом была культурная концепция классификации. Эволюционизм больше сказался в “исторической типологии” Монтелиуса, под которой исследовательница подразумевает типологический метод, вообще, на мой взгляд, не относящийся к классификационному этапу процедуры исследования. Спор Софуса Мюллера с Монтелиусом, важный для понимания становления типологии, обойден. Более современную американскую концепцию Рауза — Кригера — Форда она называет “культурно-исторической”, поскольку эти исследователи учитывали и время и пространство. Вряд ли однако стоит объединять в одну концепцию этих исследователей. Рауз был ведущим среди таксономистов, работавших над иерархией. Основателя статистического понимания типа Кригера, продолжателем которого был Сполдинг, никак нельзя объединять с интуитивистом Фордом, союзником которого был Бру. Эти авторы придерживались диаметрально противоположных взглядов на классификацию. Для одних это процесс открывания типов в материале, для других — условное нарезание классов.

Следующая глава трактует “Изменение исследовательской стратегии — процессуальный подход в классификации”. Это, конечно, о “новой археологии”. Сутью этого изменения автор считает подлаживание классификации под потребности функционализма. С этим она связывает “динамическую классификацию” Бинфорда, учитывающую разные последовательные фазы обработки артефакта — от нуклеуса и отщепы до изделия. Между тем, функционализм прежде и более четко проявился у У. Тэйлора, перенесшего центр тяжести с рассмотрения артефактов по типам на рассмотрение по комплексам. Бинфорд, как известно, поставил под вопрос само понятие типа, предпочитая работать непосредственно с признаками, а общим для него и Д. Кларка являются прежде всего системный подход и математизация археологии, в частности и классификации. Бинфорд отводил классификации очень жестко начальное место в процедуре, полагая, что процедура эта во всем подобна естественнонаучной. Для Д. Кларка идеалом была “аналитическая машина” логики, которая должна была автоматически классифицировать и объяснять материал, улучшая действия человека-исследователя и избавляя исследование от субъективности и предвзятости. Критики показали, что это в принципе невозможно, по крайней мере, в гуманитарном знании.

Последняя глава первой части книги называется “Логистическая концепция классификации”. Здесь Минта-Твожовска с большим энтузиазмом излагает и пропагандирует для польской археологии концепцию классификации Ж.-К. Гардена. Но есть ли такая концепция? Восхищение исследовательницы Гарденом понятно. Она,

во-первых, вообще увлечена изучением французских достижений в теоретической археологии, а Гарден наиболее четко и выразительно сформулировал концепцию если не всех французских археологов, то их наиболее оформленной группы. Во-вторых, концепция Гардена с его немудреным расчленением всей процедуры на “компиляции” (сбор материала) и “экспликации” (истолкование) до банальности проста и понятна позитивисту-эмпирику, а таково, по мнению Минты-Твожовской, большинство польских археологов. В-третьих, логистическая процедура Гардена отличается от алгоритма естественно-научной процедуры только своей нестрогостью. Этим Гарден подчеркнул ее пригодность именно для гуманитарных исследований. Исследовательнице особенно импонирует то, что он разместил классификацию и типологию на стыке компиляции и экспликации, так что классификация располагается в первой, а типология — во второй. То есть он придал этим операциям функции связующего звена между методикой первичной обработки и методами интерпретации. Интерпретация у него непосредственно вытекает из типологии.

Исследовательница не замечает, что это всего лишь схема, декларация. Гарден описывает простые логические механизмы и расчленяет их на элементарные операции. Он не предлагает никаких методов интерпретации, да и никаких стратегий классификации или типологии. Он только описывает и расчленяет, фиксирует и регламентирует. Это нужно для общения с компьютером, для построения автоматических линий имитации человеческого исследования. Его “экспертные системы” — простейший пример такой имитации. Это очень важно методично строить такие системы, полезные в справочной службе. Но сверх этого в книге Гардена ничего нет. Его “экспертные системы” не более проникновенны, чем “аналитические машины” Д. Кларка и его философских и географических учителей.

Вторая часть книги начинается с главы “Концепции культуры в культурной антропологии”. Это обычное рассмотрение понятия культуры и связанных с ним концепций, видимо необходимое автору для последующего разговора, но непосредственно к классификации они не имеют отношения. Следующая глава носит название “Археологическая культура в понимании теории культуры”. Автор рассматривает здесь дефиниции археологической культуры и главным образом вопрос о соотношении культуры с этносом, затрагивая исторические споры по этому вопросу (начиная с Косинны). В этой главе центр тяжести всей второй части книги. Эта глава мотивирует ее правомочность. Иначе при чем тут классификация?

Наиболее широкий обзор современных концепций представлен в главе “Новые направления концептуализации в восприятии культуры прошлого”. Здесь рассмотрены системный подход “аналитической археологии”, неомарксистская ориентация, структуралистские размышления о культуре, теория культуры в процессуальной археологии, контекстуальная археология, логистическая программа по отношению к проблематике культуры. Но разве это всё есть рассуждения об

археологической культуре? О единице классификации или типологии? Да нет же. Исследовательница незаметно для себя сбилась с линии рассуждения, соскользнув с “археологической культуры” как единицы классификации на “археологическую культуру (вообще)” в смысле “мертвой культуры”, “погребенной культуры”, “культуры ископаемого прошлого”. Здесь идет речь о принципах познания прошлого, об отражении живого в мертвом, о гарантиях объективности, о методах изучения культурного материала вообще и прочих интересных вещах, никакого отношения ни к классификации, ни к типологии не имеющих.

Завершает вторую часть глава о стиле, надлежащее место которой — не во второй, а в первой части.

Весь этот обзор концепций, как мне представляется, не получился в целом, хотя и содержит много здравых мыслей и ценных соображений. Он не получился прежде всего из-за размытости представлений о классификации, ее функциях и операциях, из-за надления классификации функциями интерпретационными, содержательными. Исследовательница как-бы стесняется ограниченности классификации и типологии первичной обработкой, считая такую вещеведческую деятельность недостаточной и недостойной настоящего гуманитария. Обзор не получился еще и потому, что, предпринимая его, исследовательница исходила из убеждения в том, что каждое направление в археологии, каждая крупная теория археологии непременно создает свою собственную концепцию классификации и между ними есть самая тесная и прямая связь. Это совсем не обязательно. Убеждение это подкреплялось уверенностью в том, что классификационные операции служат и методами интерпретации. А это явно не так.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Такова эта интересная и очень неровная книга. Я уже отмечал, что анализ проблем классификации с точки зрения логики сделан чрезвычайно глубоко и он должен быть учтен археологами. Для русского читателя интерес книге придают и многочисленные экскурсы в польскую литературу. По многим проблемам рассмотрены отражения тех или иных концепций в польской археологии и самостоятельные разработки этих проблем польскими учеными. Что касается обзора западноевропейских и американских концепций, то мне трудно его оценивать. Я сделал такой обзор раньше Минты-Твожовской и мне мой обзор представляется в основном более полным и более целенаправленным, но, может быть, это всего лишь субъективное суждение предвзятого автора.

Минта-Твожовска использовала некоторые мои предложения. В ее лексику вошли и некоторые введенные мною понятия и термины — не столько из “Археологической типологии” (1991), сколько из более ранней “Панорамы теоретической археологии” (Klejn 1977). Так, она приняла именованное “контекстным” направления, выросшего из книги У. Тэйлора и параллельного “новой археологии”, хотя и считает эту традицию ярче представленной пост-процессуалистами. Приняла и некоторые другие мои трактовки. Есть ссылки и на “Археологическую типологию” (оксфордское издание). Однако, в целом, мои

разработки по типологии мало использованы автором. Это понятно: английское издание моей книги (Klejn 1982) дефектное и трудночитаемое, а русское вышло только в конце 1991 г. и стало распространяться с конца 1992 г. Осенью 1994 г. книга Минты-Твожовской уже была подписана к печати, стало быть рукопись заканчивалась не позже 1993 г., скорее на год раньше. В книге Минты-Твожовской 20 страниц библиографии, но ссылок на издания 1993 г. нет вовсе, 1992 годом помечены только ссылки на польские издания, а 1991 года — также и на одно английское

издание. Вовсе не упоминается монография 1991 г. братьев Адамсов об археологической типологии (Adams and Adams 1991). Реально значит книга заканчивалась в 1992 г., когда иностранная литература за 90-е годы еще не приходила.

Таким образом, хотя моя монография и вышла раньше, но основные выводы Дануты Минты-Твожовской в большой мере самостоятельны. А поскольку наши ориентации и среда весьма различны, тем знаменательнее совпадения взглядов по кардинальным вопросам теории классификации.

КЛЕЙН Л.С. 1991. Археологическая типология. Л.

КЛЕЙН Л.С. 1992. Методологическая природа археологии // РА. № 4.

ADAMS W.Y., ADAMS E. W. 1991. Archaeological typology and practical reality. Cambridge University Press. Cambridge.

HEMPEL C. G., OPPENHEIMER P. 1936. Der Typusbegriff im Lichte der neuen Logik. Leiden.

LAZARI-PAWLOWSKA I. 1966. O pojęciu typologicznym w humanistice // Logiczna teoria nauki. Warszawa.

KLEJN L.S. 1977. A panorama of theoretical archaeology // Current Anthropology. № 18 (1).

KLEJN L.S. 1982. Archaeological typology // BAR Int. ser. 153. Oxford.

MINTA-TWORZOWSKA D. 1986. Elementy metodologii prehistorii w historiozofii P. Teilarda de Chardin. Poznań. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza.

MINTA-TWORZOWSKA D. 1994. Klasyfikacja w archeologii jako sposób wyrażania wyników badań, hipotez oraz teorii archeologicznych. Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza.

WEBER M. 1922. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, Mohr.

История науки

Е.Ю.Кириленко

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ Н.Е.БРАНДЕНБУРГА

В 1889 г. отмечалось 500-летие русской артиллерии (позднее дата первого применения артиллерийских орудий на Руси была уточнена и отнесена к 1382 г.). Это событие получило отражение не только в различных документах: полутысячелетний юбилей был увековечен и в миниатюрных металлических знаках — жетоне, носившемся в виде брелка, и памятной медали.

В архиве ВИМАИВиВС (ф.22, оп.92, д.47, лл. 9, 39, 66, 74, 75, 138, 168, 169) находятся рисунок и описание двух проектов жетона — первоначального (рис.1) и высочайше одобренного (рис.2).

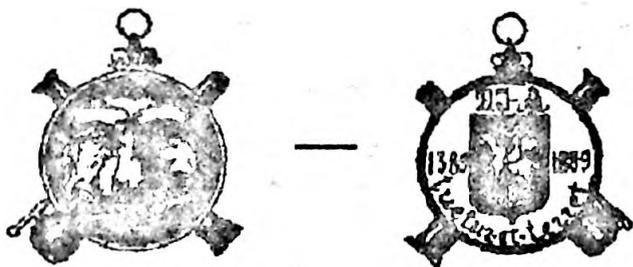

Рис.1. Первоначальный проект жетона
"500-летие русской артиллерии"

Форма жетона представляет собой два скрещенных ствола артиллерийских орудий (медной пищали 1485 г. — древнейшего из сохранившихся орудий, отлитых в России, и 87-мм полевой легкой пушки образца 1877 г.) с наложенным на них круглым диском, украшенным сверху императорской (с лицевой стороны) и великокняжеской (с оборотной стороны) коронами. На лицевой стороне жетона диск покрыт черной эмалью с красным кантом по краю. В верхней части поля инициалы "ДИ" (Дмитрий Иванович Донской) и А/III (император Александр III), по центру — изображение московского герба. По сторонам от герба даты — "1382" (слева) и "1889" (справа). В нижней части в две строки полукругом надпись: "500-летие русской артиллерии". В первоначальном варианте эта надпись должна была быть размещена на гурте, а под московским гербом был помещен девиз "tuetug-et-terret" ("охраняет и устрашает"), перенесенный с главной воинской регалии — артиллерийского знамени 1745 г., сохранившегося в музее. На оборотной стороне жетона было помещено рельефное изображение львиной головы, держащей в пасти ствол пищали — изображение "алама", нагрудного знака, носившегося

пушкарями древней Руси. К верхней части корон присоединялось кольцо с цепочной для крепления.

Жетон был высочайше одобрен и официально утвержден 17 октября 1889 г. Его могли носить все чины артиллерийского ведомства в виде брелка при часах, но не выпуская поверх формы и испросив для этого "надлежащее разрешение".

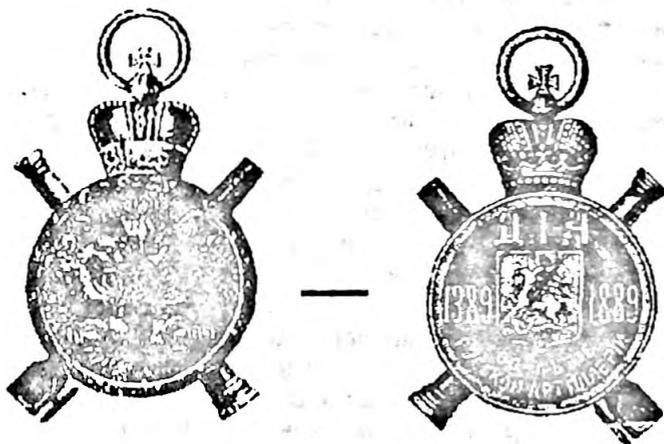

Рис.2. Высочайше одобренный образец жетона
"500-летие русской артиллерии"

В отличие от памятной настольной медали, чеканившейся на Санкт-Петербургском Монетном дворе, этот знак изготавливался частным ювелиром. Жетон мог быть заказан у ювелира Финке (проживавшего в Санкт-Петербурге на Среднем пр. Васильевского острова, д.43/42) и выполнен из золота с эмалью (в кожаном футляре; 20 руб.), из бронзы с эмалью (в картонной коробочке; 6 руб.) или же из меди без эмали (1 руб. 70 коп.). В Циркуляре Главного Артиллерийского управления уточнялось, что за упаковку и пересылку во все города российской империи взимается еще 50 коп.

Сохранившиеся документы позволяют предположить, что жетон разработан заведующим Санкт-Петербургским Артиллерийским музеем генерал-майором Н.Е.Бранденбургом — известным историком и археологом, принимавшим активное участие в подготовке юбилейных торжеств. Описания, сопровождающие и первоначальный проект, и высочайше одобренный образец жетона, написаны рукой Бранденбурга. Кроме того, в деле сохранился счет "В употреблении аванса, отпущенного ген.-майору Бранденбургу по устройству празднования юбилея...", в котором записано: "18 декабря" (1889 г. — Е.К.) ювелиру Финке было уплачено 12 руб. "за два жетона"

А.Н.Ашешова

ПЕРЕПИСКА Н.В.ПОКРОВСКОГО В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится фонд (№ 593) Н.В. Покровского. Письма, составляющие 543 ед. хр., разделяются на четыре крупные смысловые группы: письма родственников (отца, брата, племянников); письма, связанные с деятельностью ученого в Духовной Академии (адресаты, в основном — священнослужители); письма, связанные с археологическими изысканиями Покровского и его директорством в Археологическом институте; просьбы о различного рода консультациях. Наибольший интерес для истории науки представляет, без сомнения, корреспонденция, сосредоточенная в двух последних разделах. Исключение, пожалуй, составят письма Федора Васильевича Покровского, брата фондообразователя (е.х. 459), археолога, составившего археологические карты Виленской (Вильна, 1893), Гродненской (Вильна, 1895) и Ковенской (Вильна, 1899) губ. В названных письмах отражены также некоторые аспекты подготовки Археологических Съездов в Вильне и Риге.

В фонде хранятся любопытные документы, содержащие просьбу о написании Н.В.Покровским отдельных статей богословского содержания в Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Адресантами их были И.Е.Андреевский, первый редактор словаря (е.х.116), и его преемник К.К.Арсеньев (е.х.128). С просьбой о консультации к ученому обращались люди весьма известные: историк Церкви В.В.Болотов (е.х.164 — материалы к работам), директор Публичной библиотеки А.Ф.Бычков (е.х.176 — просьба о характеристике икон из собрания епископа Порфирия [Успенского]), историк А.С.Лапшо-Данилевский (е.х.335), историк искусства и критик А.В.Прахов (е.х.487), министр народного просвещения В.Г.Глазов (е.х.213), архитектор А.А.Парланд (е.х.452), искусствовед Н.П.Собко (е.х.534), обер-прокурор

Синода К.П.Победоносцев (е.х.466), археолог Н.Е. Бранденбург (е.х.169 — о церквях в Ладогe). Историк литературы А.Н.Веселовский обратился к Н.В. Покровскому с просьбой выступить на заседании, посвященном памяти Ф.И.Буслаева (е.х.191). Письма коллекционеров П.Н.Тиханова (е.х.566), А.К. Жизневского (е.х.257), А.А.Титова (е.х.565), И.И. Толстого (е.х.572), И.В.Цветаева (е.х.605) характеризуют деятельность и круг общения Н.В.Покровского как музейоведа.

Многие документы предоставляют материал к истории Императорского Археологического института, секретарем которого, а впоследствии, директором был фондообразователь. Здесь было бы уместным назвать послания историка Н.И.Веселовского (е.х.192), директора Археологического института А.Н.Труворова (е.х.580), историка И.В.Помяловского (е.х.472), историка права В.И.Сергиевича (е.х.521), историка А.И.Соболевского, (е.х.535), председателя Археологической Комиссии А.А.Бобринского (е.х.154). Корреспондентами ученого были также художники В.В.Верещагин (е.х.187) и Н.К.Рерих (е.х.498), историки Церкви Е.Е.Голубинский (е.х.220), Н.Ф.Красносельцев (е.х.319), историки Н.П.Кондаков (е.х.309), Ф.И.Буслаев (е.х.174), Н.П.Лихачев (е.х.352), С.Ф.Платонов (е.х.464), председатель Общества любителей древней письменности С.Д.Шереметьев (е.х.617). Весьма интересную информацию сохранили письма графини П.С.Уваровой (е.х.588), касающиеся Археологических Съездов в Ярославле, Вильне и Риге, а также деятельности Московского археологического общества.

Не так давно выделенный и обработанный, фонд № 593 в Отделе рукописей РНБ, несмотря на небольшой объем, является хранилищем информации, касающейся не только собственно биографии и деятельности Н.В.Покровского, но и может служить источником материалов по истории науки.

Хроника

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ” (Санкт-Петербург, 2-5 сентября 1998 г.)

Первая Международная научная конференция “Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе” проходила в Санкт-Петербурге со 2 по 5 сентября 1998 г. Инициаторами ее проведения стали Институт Истории материальной культуры РАН и Государственный Эрмитаж. Конференция проведена при финансовой поддержке Института “Открытое общество” (фонд Сороса).

Для проведения Первой Международной конференции “Военная археология” Санкт-Петербург выбран не случайно — здесь работают авторитетные ученые, занимающиеся историей военного дела и оружия, в Эрмитаже, в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, в Военно-морском музее, в музеях пригородов Санкт-Петербурга — Гатчине, Пушкине и Павловске — имеются превосходные собрания воинской амуниции и вооружения. Все это стало хорошей базой для обсуждения проблем военной археологии.

Военная археология, как известно, изучает материальные древности, письменные, изобразительные и иные источники, связанные с историей вооружения и военного дела человечества. Понятие “военная археология” включает рассмотрение военной техники, снаряжения и фортификации в конкретном историческом контексте разных стран и народов. Задачей конференции явилось рассмотрение, сопоставление и обсуждение следующих тем: истории военного дела, вооружение, тактика и стратегия в исторической перспективе; систематизация и типология,

хронология, терминология, локальные особенности в развитии вооружения и фортификации; взаимодействие в области военного дела и вооружения отдельных регионов; парадное, престижное оружие и оружие простоллодинов в техническом, социальном и идеологическом аспектах; фортификация и полиоркетика как особые отрасли военного дела; военное судостроение и военно-морское дело; военная эмблематика и символика; влияние античной военной традиции и военно-технической мысли на военное дело Европы в эпоху Возрождения и в Новое время. В течение четырех дней было заслушано и обсуждено более 50 докладов, представленных специалистами из Великобритании, Германии, Израиля, Польши, России, США, Швеции и ЮАР. Изданный к началу конференции сборник (СПб., 1998, 344 стр.) включает более ста материалов, присланных в Оргкомитет.

Изучение военного дела древности приобретает общемировой интерес при условии преодоления националистических оценок и предрассудков. Мир предстает как громадная, но в то же время единая лаборатория новаций и усовершенствований. Широкое привлечение к работе конференции участников различных научных, музейных и образовательных центров России, Средней, Северной и Западной Европы, а также США позволило оценить уровень и достижения мировых изысканий в области военной археологии. На заключительном заседании 5 сентября 1998 г. было высказано желание собирать подобные конференции не реже чем раз в два года.

А.К.

ВТОРАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (Санкт-Петербург, 1-3 ноября 1998 г.)

Вторая Всероссийская церковно-археологическая конференция, посвященная 150-летию заслуженного профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии, директора Императорского Археологического Института Николая Васильевича Покровского (1848-1917), проходила в Санкт-Петербурге с 1 по 3 ноября 1998 г. В состав Оргкомитета вошли Санкт-Петербургская Духовная Академия, Московская Духовная Академия, Институт истории материальной культуры РАН, Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Российский Этнографический музей, Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург), Институт Археологии РАН, Государственный институт искусствознания, Государственная Третьяковская галерея, Государственный Исторический музей (Москва). Неразрывная связь Н.В.Покровского с СПбДА сделала Академию естест-

венным инициатором мероприятия и местом проведения заседаний.

Проведение конференции стало возможным благодаря финансовой поддержке Института “Открытое общество” (фонд Сороса).

К участникам конференции обратился с посланием Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, призвавший лучшие светские и церковные научные силы к сотрудничеству в деле изучения и сохранения памятников церковной старины. Участники конференции выразили Его Святейшеству глубокую признательность за внимание к научному симпозиуму, а так же за помощь в возрождении церковно-археологического музея при СПбДА, временная экспозиция которого открылась к началу конференции.

К участникам конференции обратились ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии епископ

Тихвинский Константин (Горянов), который, в частности, сказал: "Понимание сути произведений церковного искусства невозможно без учета того религиозного переживания, которым они создавались. Это переживание способна раскрыть только живая церковная традиция, воплощенная в сегодняшней жизни Русской Православной Церкви. Но сегодня без умелого использования богатейшего опыта, накопленного российским искусствоведением и археологией в деле изучения древнерусского и византийского искусства и церковная наука неспособна занять подобающее ей место в жизни российского общества ... Охрана памятников культуры в дореволюционной России, еще не отягченная спорными вопросами собственности, тоже знала немало конфликтов между Императорской Археологической комиссией и Духовным ведомством. Однако участие в деле таких людей как Н.В.Покровский, которым были одинаковы близки как интересы церковно-приходской жизни, так и приоритеты науки, заранее предполагало возможность мирного разрешения конфликта на пользу самой святыни, а не просто к славе одного из конфликтующих ведомств. Поэтому сегодня стоит говорить не о сомнительном пути компромиссов в деле охраны памятников церковной старины, а о сближении подходов и установок всех заинтересованных сторон". Участники конференции поблагодарили Ректора Академии епископа Тихвинского Константина за радужное гостеприимство и высокий уровень организации конференции, который оказался возможным благодаря четкой организации работы всех служб Академии и штаба конференции составленного из студентов и воспитанников духовных школ.

Выступившая на открытии конференции внучка Н.В.Покровского, Н.Д.Эвне рассказала о судьбе потомков Покровского и о последних днях жизни выдающегося ученого.

Приуроченная и посвященная к 150-летию Н.В. Покровского, конференция уделила значительное внимание истории и теории церковной археологии (секция 1), выделив для отдельного рассмотрения конкретные материалы памятников христианской иконографии и искусства (секция 2). Как специальная тема рассматривались принципы и методы археологических, архитектурных и искусствоведческих исследований произведений церковного зодчества и прикладного искусства (секция 3). Своевременным, как показала дискуссия, оказалось выделение в особую тему проблем национальных особенностей церковной археологии (секция 4). Всего в четырех секциях и на двух пленарных заседаниях выступило более 80 докладчиков из Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода, Пскова, Сергиева Посада, Тулы, Саратова, Тихвина, Калуги, Екатеринбурга и Севастополя. В рамках конференции прошел круглый стол "Наука о византийском и древнерусском искусстве (перспективы развития: взгляд снаружи и изнутри)" организованный ГРМ и Высшей религиозно-философской школой (куратор И.А.Шалина, проект РГНФ № 98-04-14033). Традиционным стало участие в Церковно-археологических конференциях представителей европейской науки, в данном случае — коллег из Велико-

британии Мартина Биддла и Джона Крута. К сожалению, в конференции не смог принять участие ректор Папского Института Христианской археологии (Рим) монсеньер Патрик Сен-Рок, который направил в адрес симпозиума послание с пожеланием творческих успехов. К началу конференции издан сборник материалов "Церковная археология. Выпуск 4" (СПб., 1998, 381 с.).

В резолюции Конференции, принятой на заключительном заседании 3 ноября 1998 г. констатировалось, что за прошедшие со времени проведения прошлого форума три года выполнен ряд предложений и рекомендаций Первой Всероссийской конференции по Церковной Археологии, определены перспективные направления дальнейшей исследовательской работы. В частности, было высказано пожелание активнее привлекать к подготовке и участию в подобных конференциях студентов, провести специальные семинары посвященные иконе Тихвинской Божьей Матери и проблеме "Православная святыня как памятник культуры" с обсуждением современного состояния взаимоотношений Церкви и музеев в деле сохранения и использования памятников церковной старины. Участники конференции отметили плодотворность сотрудничества СПбДА и Кафедры музееведения Санкт-Петербургской Государственной Академии культуры в работах по возрождению экспозиции церковно-археологического музея.

Большинство участников конференции с удовлетворением констатировало, что на всех заседаниях нормой являлась строгая научная дискуссия и полное взаимопонимание, свидетельствующие о возможности диалога и сотрудничества между Церковью и культурой. Однако высказывались и критические замечания. Руководители некоторых музеев увидели в совместных мероприятиях "уступку" Церкви и духовенству со стороны светской науки, в то же время, в адрес Академии прозвучали упреки и со стороны духовных лиц, посчитавших, что церковно-археологическая тематика отдана "на откуп" светским искусствоведам. Подобные замечания еще больше убедили организаторов и участников конференции, что именно путь диалога и сотрудничества является единственно возможным в сегодняшней России.

На заключительном заседании участники конференции единогласно приняли обращение к Губернатору Санкт-Петербурга В.А.Яковлеву с просьбой оказать содействие в возвращении Санкт-Петербургской Духовной Академии ее исторического здания (наб.Обводного канала, 7).

Вторая Всероссийская церковно-археологическая конференция проводилась в рамках проходивших в Санкт-Петербурге юбилейных мероприятий, посвященных Н.В.Покровскому, которые начались открытием 29 октября в Русском музее выставки памяти Н.В.Покровского. На этой выставке были среди прочих представлены экспонаты, собранные Покровским, в том числе — из бывшего музея СПбДА, основанного Покровским в 1879 г.

А.М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АП	Археология Петербурга
ВИМАИВиВС	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗРАО	Записки Императорского Русского археологического общества
ИА	Институт археологии АН СССР (РАН)
ИАК	Императорская Археологическая комиссия
ИИМК	Институт истории материальной культуры РАН
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ОЗ	Отечественные записки
ОР РНБ	Отдел рукописей российской национальной библиотеки
РА ИИМК	Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН
РНИИ КПН	Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СЗАЭ	Северо-западная археологическая экспедиция
СК	Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии ("Скандинавская конференция")
СПбНЦ	Санкт-Петербургский Научный центр
СПбФ	Санкт-Петербургский филиал РНИИ КПН
СЗФ	Северо-западный филиал РНИИ КПН
ТД	Тезисы докладов
ФА ИИМК	Фотоархив Института истории материальной культуры РАН
ЦА	Церковная археология

ОГЛАВЛЕНИЕ

А Р Х Е О Л О Г И Я П Е Т Е Р Б У Р Г А

ЛЕБЕДЕВ Г.С. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ.....	5
МИХАЙЛОВА Е.Р., КУЗЬМИН С.П., СОБОЛЕВ В.Ю., ГЛЫБИН В.А. РАБОТЫ ПО ПРОГРАММЕ "АРХЕОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА".....	7
БАЛАШ А.Н. ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОГО ИСКУССТВА НА ХУДОЖЕСТВЕННОМ РЫНКЕ ПЕТЕРБУРГА.....	20

А Р Х Е О Л О Г И Ч Е С К И Е И З В Е С Т И Я И З А М Е Т К И

БЕЛЕЦКИЙ С.В. РАСКОПКИ УСАДЬБЫ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВВ. В ПУШКИНСКИХ ГОРАХ.....	24
---	----

Д И С К У С И И

Клейн Л.С. ПОЗНАНСКИЙ ТРУД ПО ТЕОРИИ КЛАССИФИКАЦИИ И ТИПОЛОГИИ.....	28
--	----

И С Т О Р И Я Н А У К И

Кириленко Е.Ю. НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ Н.Е.БРАНДЕНБУРГА.....	33
Апешова А.Н. К ИЗУЧЕНИЮ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ Н.В.ПОКРОВСКОГО.....	34

Х Р О Н И К А

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ".....	35
ВТОРАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.....	35